

HISTORIA ROSSICA

САБИН ДЮЛЛЕН

УПЛОТНЕНИЕ ГРАНИЦ

К ИСТОКАМ
СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИКИ
1920 – 1940-е

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Сабин Дюллен

Уплотнение границ

«НЛО»

2014

УДК 341.222(47+57)(091)«19»
ББК 63.3(2)6-36-7

Дюллен С.

Уплотнение границ / С. Дюллен — «НЛО», 2014 — (Historia Rossica)

В монографии французской исследовательницы Сабин Дюллен довоенная советская история рассматривается как история границ и приграничных территорий. Границы для СССР были не только линией обороны от влияний извне, но также фронтом идеологической и военной экспансии и своеобразной витриной коммунистической системы для внешнего мира. Вопрос границ играл важнейшую роль в советской политике и идеологии, а фигура пограничника стала одной из ключевых для советской культуры. Автор прослеживает, как менялись практики управления границами на протяжении XX века, и показывает удивительную преемственность подходов к пограничным территориям от дореволюционных времен до наших дней. Сабин Дюллен – историк, доктор наук, профессор кафедры современной истории России и Восточной Европы в Институте политических исследований, специалист по международным отношениям и истории Советского Союза.

УДК 341.222(47+57)(091)«19»
ББК 63.3(2)6-36-7

© Дюллен С., 2014
© НЛО, 2014

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава 1. Публичное пространство и рубежи. Пограничник на страже советской родины	17
Пограничник в публичном пространстве	19
Рождение политизированного корпуса пограничной службы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сабин Дюллен
Уплотнение границ. К истокам
советской политики. 1920–1940-е

© Éditions de l'EHESS, 2014

© Э. Кустова, перевод с французского, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Благодарности

Идея этой книги, первая версия которой была подготовлена в рамках процедуры «хабилитации»¹, родилась в России во время работы в архивах и в общении с российскими коллегами и друзьями. Первый, кого я должна упомянуть, – это Олег Кен, трагически рано покинувший нас в сентябре 2007 года. Его обширные знания и меткие замечания были важнейшим стимулом для моей работы. Подход, который лег в основу этой книги, был, однако, найден в Париже. Я благодарна Анне Кудер, моей союзнице в деле исследования границ, которая открыла мне широкие горизонты и сопровождала мое погружение в историю советского пограничья своими комментариями и энергичной поддержкой, а также Софи Кёре, преданному товарищу по изучению коммунизма, с которой мы уже много лет систематически делимся идеями и информацией. Многие гипотезы, получившие развитие в этой книге, возникли в ходе дискуссий с коллегами из Центра изучения российского, кавказского и центральноевропейского пространства Школы высших социальных исследований (Cercses/EHESS). Особенно велик мой долг по отношению к Алену Блюму, верному оппоненту и читателю.

Эта книга вряд ли увидела бы свет без пяти лет, проведенных в Университетском институте Франции: они дали мне время и финансовые возможности, необходимые для исследований. В различных архивах, где мне довелось работать, я могла рассчитывать на поддержку и благожелательность сотрудников. Особенно мне хотелось бы поблагодарить Татьяну Жукову и Галину Кузнецову (ГАРФ), а также Людмилу Кошелеву (РГАСПИ). На протяжении всех этих лет я черпала вдохновение в беседах с многочисленными коллегами и друзьями, делившимися своим опытом, информацией и советами. В компании Натали Муан я познакомилась с Ленинградским областным государственным архивом в Выборге, тогда как архивы Минска мне помогла освоить Маша Церовиц. Лорен Татаренко был рядом, когда нужно было изучать материалы на польском языке. Александр Рупасов помог мне понять, насколько важно выбрать для изучения этой темы конкретный ракурс, а Андрей Шляхтер поделился своими источниками и познакомил меня с рядом глав из своей диссертации. Без Никиты Петрова, Михаила Зайцева, Ольги Илюхи и Кристофа Бартелеми мне было бы трудно проникнуть в мир советских пограничников и порожденную ими культуру. Габор Ритерспорн сделал ряд интересных замечаний по первой главе, посвященной пограничникам. Без Лоры Маргерит карты, которые рисовало мое воображение, не увидели бы света. Моя благодарность адресуется Кристофу Прошассону, поверившему в эту книгу, а также анонимным рецензентам за внимательное чтение рукописи.

На всем протяжении моих исследований и работы над рукописью со мной рядом были радость и любовь, идущие от Матиса и Огюстена. Я благодарна Жюли Самюэль, Франсуазе и Доминику Дюллен, Адель и Колин Гиас, Мартин Леманс и Жану Лафону, которые проводили время с ними, когда мне мешала делать это работа. Наконец, спасибо Кристофу за его неизменную поддержку и присутствие.

¹ Защита этой работы состоялась в декабре 2010 года в Университете Париж-1 в присутствии жюри, включавшего А. Блюма, М. Фуше, Р. Франка, А. Грациози, Д. Нордмана и М.-П. Ре. Я благодарю их за интересные отзывы и дискуссию.

Предисловие

На дворе август 1928 года. Река Припять мирно течет среди буколических пейзажей Советской Украины. Но сельская идиллия может быть в любой момент нарушена: ведь по ту сторону реки расположена панская Польша. Вот и сегодня бойцы 18-го Житковичского погранотряда стали свидетелями очередной провокации: с польского берега в воду были спущены сотни запечатанных воском пробирок. Когда молодые пограничники выловили их, они обнаружили внутри аккуратно свернутые антисоветские прокламации на украинском языке: «Крестьяне, не отдавайте большевикам свой хлеб!», «Россия – тюрьма народов!», «Батька Тарас Шевченко зовет вас, рабочие и крестьяне, на борьбу за независимую Украину!».

Первой моей реакцией при чтении отчета об этом происшествии, составленного начальником Главного управления пограничной охраны З. Б. Кацнельсоном², было неверие. Кто мог сочинить подобную историю? Местные пограничники, стремившиеся укрепить подозрения руководства в отношении поляков? Кацнельсон, которому надо было обеспечить советскую печать материалами для антикапиталистической пропаганды? Кто бы ни был автором этого вымысла, следует отдать должное воображению защитников советских рубежей: их романтические истории несколько лет спустя станут источником вдохновения для популярного среди молодежи жанра приключенческой литературы о пограничниках.

История, однако, оказалась правдивой. Я напрасно сочла ее плодом воображения ретивых защитников советской родины: операция с пробирками была частью пропагандистской кампании, организованной по указанию маршала Пилсудского. Ее замысел родился в среде украинских националистов из Главного штаба войска Украинской народной республики, базировавшегося в Восточной Польше, и был поддержан местными властями, в частности воеводой Волыни Генриком Юзевским³. В данном случае поляки продемонстрировали бóльшую изобретательность, чем их советские коллеги. В этой истории ярко проявилось материальное измерение повседневной жизни границы: будучи пространством взаимодействия между индивидами, учреждениями и идеологиями, она была важнейшим полем, в котором происходило утверждение политики во всех ее формах. Именно этот взгляд сбоку, с периферии, я выбрала для того, чтобы по-новому подойти к политической истории Союза Советских Социалистических Республик.

Граница, трактуемая вслед за Фридрихом Ратцелем как пространство конфликтов между государствами, традиционно привлекала большое внимание со стороны специалистов по политической географии. Камий Вало, к примеру, описывал пограничную зону в качестве «контактного поля, внутри которого организованные силы государств достигают высшей степени напряжения» и где получает развитие «политическая деятельность, сопоставимая со столичной»⁴. Эта традиция политической географии, тесно связанная с подъемом немецкого национализма и проблемой могущества, подверглась яростной критике после того, как была поставлена на службу нацизму⁵. Тем не менее нельзя отрицать убедительности предложенной ею модели описания границы. Выработанные под ее влиянием понятия фронта, витрины и пространства взаимодействия помогают проанализировать как проводимую большевиками в пригра-

² Телеграмма З. Б. Кацнельсона, 31 авг. 1928 г. // Пограничные войска СССР, 1918–1928. Сборник документов и материалов / Отв. ред. А. И. Чугунов и др. М.: Наука, 1973. С. 540–542.

³ Snyder T. Covert Polish missions across the Soviet Ukrainian border, 1928–1933 // *Confini. Costruzioni, attraversamenti, rappresentazioni* / Ed. S. Salvatici. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2005. P. 55–78, особенно P. 57–59.

⁴ Ratzel F. *Politische Geographie*. München; Leipzig: R. Oldenbourg, 1897; Vallaux C. *Géographie sociale. Le sol et l'État*. Paris: O. Doin, 1911.

⁵ Korinmann M. *Quand l'Allemagne pensait le monde. Grandeur et décadence d'une géopolitique*. Préf. par Y. Lacoste. Paris: Fayard, 1990.

ничных районах политику административно-территориального строительства, так и их усилия по созданию политической модели, пригодной для экспорта. Чтобы осветить эти различные грани политики границ, мы начнем с обзора национально-территориальной ситуации, которая сложилась к 1920 году в результате краха империй, революции и Гражданской войны, а затем сохранялась вплоть до ее пересмотра Сталиным в 1939–1940 годах в связи с пактом Молотова – Риббентропа. Речь идет о периоде относительного мира: полупослевоенной, полупредвоенной эпохе, когда на европейских рубежах СССР, одновременно служивших восточной границей Европы, царила атмосфера идеологической холодной войны, в которой классовые конфликты переплетались с национальными⁶.

Впрочем, на протяжении этих двадцати лет, пронизанных политической напряженностью, граница была не только зоной конфронтации. Ее история не исчерпывается геоисторией давления, насилия и столкновений между государствами, империями и идеологиями. Граница была также пространством межгосударственного сотрудничества. Как это продемонстрировали, в частности, новаторские работы ряда юристов, на рубежах практиковались соседские отношения, и о каких бы государствах и режимах ни шла речь, частью пограничной повседневности были трансграничные контакты и интернационализированные зоны, находившиеся в совместном пользовании соседних стран⁷. На население приграничных районов распространялись определенные привилегии и ограничения, что означало необходимость выделения зон со специальным статусом. Таким образом, граница была одновременно пространством утверждения политического суверенитета и зоной, где происходила интернационализация части повседневной жизни. Поэтому среди разнообразных государственных практик она является одним из лучших объектов для изучения процессов взаимодействия, институционального миметизма или, наоборот, блокировки и несовместимости⁸. Посмотреть на создание СССР через призму его окраин – это, несомненно, лучший способ отказаться от взгляда на советскую историю как на замкнутый на самом себе, отгороженный от внешнего мира процесс и увидеть то, что рождалось в ходе контактов и взаимодействий.

Несмотря на масштабы вызванного революцией разрыва и стремление к инновациям, большевики отчасти наследовали прошлому. Идет ли речь об определении рубежей, строительстве и освоении территорий, контроле над окраинами – во всех этих областях к началу XX века был накоплен ряд хорошо усвоенных репрезентаций и неоднократно опробованных практик⁹. Разумеется, крушение российской и других империй привело к важным территориальным изменениям¹⁰. До 1914 года рубеж проходил к западу от Варшавы, и Россия граничила с Пруссией и Австро-Венгрией. Вслед за революцией на территории бывшей империи появились новые национальные и республиканские границы, а затем, в результате подписания мирных договоров, положивших конец войне и гражданскому конфликту, были определены новые

⁶ По поводу этой первой холодной войны позволю себе сослаться на следующий сборник статей: *Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe, de la révolution d'Octobre au mur de Berlin* / Ed. S. Coeuré, S. Dullin. Paris: La Découverte, 2007.

⁷ В своей диссертации 1928 года Поль де Жоффр де Ла Прадель намечает путем изучения текстов, договоров и двусторонних соглашений интересную генеалогию границы как зоны и линии: *Lapradelle P. G. de. La frontière. Thèse pour le doctorat sciences politiques et économiques. Université de Paris, Faculté de droit. Paris: Éditions internationales, 1928.*

⁸ Ряд недавних исследований открывает перспективы для сравнений: *Gavrillis G. The Dynamics of Interstate Boundaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Tagliacozzo E. Secret Trades, Porous Borders: Smuggling and States Along a Southeast Asian Frontier, 1865–1915. New Haven: Yale University Press, 2005; Pelkmans M. Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia. Ithaca: Cornell University Press, 2006.*

⁹ Этот вопрос в длительной временной перспективе освещается в специальном номере журнала *Russian History*, вышедшем под названием «The Frontier in Russian History» (1992. Vol. 19. № 1–4); см., в частности: *Khodarkovsky M. From frontier to empire: the concept of the frontier in Russia, 16th – 18th centuries. P. 115–128; Martin T. The empire's new frontiers: New Russia's path from frontier to Okraina, 1774–1920. P. 181–202.*

¹⁰ Проследить за ними можно по: *Magocsi P. R. Historical Atlas of East Central Europe. Seattle: University of Washington Press, 1993.*

государственные рубежи, главным образом на западе. Южные и восточные границы СССР почти не подверглись изменениям в результате Гражданской войны, за исключением Карсской области, переданной Турции. Таким образом, уже упомянутая выше граница между Польшей, вновь обретшей независимость в 1918 году, и Советским Союзом, образованным в 1922 году, была совершенно новой. Только один ее участок, расположенный вдоль реки Збруч, совпадал с существовавшей ранее границей с Австро-Венгрией. Советско-польский рубеж был намечен на карте в 1920 году, а затем официально утвержден в момент подписания Рижского договора. Демаркация на местности началась в 1922 году, но реальностью для местных жителей и для тех, кто пересекал ее, эта граница стала лишь в середине 1920-х годов¹¹. Новыми были также рубежи трех балтийских государств и Финляндии. В случае последней за основу была взята административная и таможенная граница Великого княжества Финляндского, с 1809 года входившего в состав Российской империи¹². На юго-западе Днестр вновь стал служить рубежом с Румынией, как это было до присоединения Бессарабии к России в 1812 году.

Однако перемещение границ еще не означало новой политики в отношении периферийных районов. С XVIII века большинство европейских стран прибегало к практике делимитации границ. Занимаясь определением рубежей от имени суверенов, военные и дипломаты стремились создать «четкую, удобную, защищенную от вторжений границу»¹³. Чтобы сделать рубежи видимыми на местности и облегчить борьбу с контрабандистами, все чаще применялась вырубка леса. В ходе Венского конгресса и перекройки территорий, последовавшей за поражением Наполеона, возобладал принцип сохранения целостности местных общин. Кроме того, получила распространение выдвинутая Французской революцией идея естественных границ; в каждой стране, правда, она понималась по-своему¹⁴. В рамках этой общей тенденции определился и ряд свойственных Российской империи особенностей, прежде всего экспансионизм и контроль за перемещениями.

Основная часть российской экспансии в западном направлении пришлось на период до 1830 года. Особенно успешными с точки зрения территориальных приобретений были царствования Петра I и Екатерины II. Российский дискурс границы сформировался, однако, в XIX веке, когда в центре военной и дипломатической повестки стоял Восток¹⁵. Под пером Ф. И. Тютчева в стихотворении «Русская география» естественные границы России трактуются как предопределенные Провидением: «Москва, и град Петров, и Константинов град / Вот царства русского заветные столицы... / Но где предел ему? и где его границы / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их обличат... /... / Вот царство русское... и не преидет вовек, / Как то провидел Дух и Даниил предрек». Размышляя о роли границы в политической истории русского народа, С. М. Соловьев высказывал взгляды, во многом схожие с теми, что сформулирует через несколько лет Фредерик Джексон Тернер применительно к истории США¹⁶. В их центре стояла идея «фронтира», которая в случае России отсылала к

¹¹ Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. New Haven; London: Yale University Press, 2008.

¹² Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley and Sons, 1996.

¹³ Как это предусматривает ст. 3 Соглашения о демаркации, подписанного в Петербурге 13 октября 1795 года после третьего раздела Польши: Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб.: МИД, 1891. С. 35.

¹⁴ О дискурсе естественных границ см.: Nordman D. Des limites d'État aux frontières nationales // Les lieux de mémoire / Ed. P. Nora. Paris: Gallimard, 1986. T. 2. Vol. 2. P. 35–61; Idem. Frontières de France. De l'espace au territoire, XVIe – XIXe siècles. Paris: Gallimard, 1998.

¹⁵ Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Gorshenina S. L'Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique. Paris: CNRS Éditions, 2012; Meaux L. de. La Russie et la tentation de l'Orient. Paris: Fayard, 2010.

¹⁶ Тернер Ф. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009; Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The nationalist signification of open spaces source // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65.

внутренней колонизации Сибири, замирению Кавказа и военной экспансии в Средней Азии и на Дальнем Востоке¹⁷. Героем фронта был казак, чьей популярности способствовали такие писатели, как Гоголь. Казак соединял в себе черты военного защитника империи и свободного жителя окраин¹⁸. При описании истории российской экспансии и самодержавия в качестве важнейших нередко рассматривались геополитические или, вернее, геокультурные факторы¹⁹. Так, самодержавие трактовалось в качестве ответа на необходимость управлять изолированными индивидами и как политическое решение проблемы русской «воли» в условиях безграничных степей²⁰. Известно также влияние, которое оказала предложенная Халфордом Маккиндером теория «хартленда», «географической оси истории», на отношение российских, а затем советских правителей к картам, которые, как считалось, предопределяли геостратегические цели²¹. Лейтмотивом для российских элит была идея продвижения вплоть до побережий или гор, то есть до удобных для обороны рубежей. Одним из расхожих и зачастую напрямую воспроизводимых в историографии объяснений экспансии является идея несовершенства российских границ, а значит, необходимости их улучшить. Растянутые, бесформенные, монотонные рубежи – такой образ «рыхлой» границы оправдывал в глазах российских правителей политику двойного рубежа, которая подразумевала создание зоны влияния за пределами национальной территории, например в Синьцзяне (Восточном Туркестане) и Северной Персии. Российские рубежи казались также слишком пористыми, проницаемыми, ведь они не разделяли нации, языки или религии. Большинство из них являлись границами между империями, которые были установлены в ходе переговоров, шедших с начала XVIII века; в условиях роста националистических движений их мозаичный характер вызывал все больше проблем²².

Российская территориальная «булимия» подпитывала навязчивую идею, а вместе с ней и ставила нелегкую задачу – охранять чрезвычайно протяженные и удаленные от центра рубежи: 1217 верст границы со Швецией, 1110 – с Германией, 1150 – с Австро-Венгрией и 10 000 – с Китаем, от Памира до Приморья. В официальных источниках традиционно подчеркивалось, что Россия рано осуществила централизацию пограничной службы²³. Современные исследования, однако, показали, что, как и в случае других империй, речь шла скорее об управлении различиями и делегировании суверенитета и ответственности на окраинах²⁴. Пограничная служба была учреждена в 1782 году; она опиралась на местных добровольцев и казачество. Создание пограничной полиции в качестве вспомогательной силы при таможенной службе датируется началом XIX века. В 1893 году она была преобразована в отдельный корпус. Подготовленные полковником М. П. Чернушевичем историко-учебные издания свидетельствуют о стремлении

№ 3, Р. 473–511.

¹⁷ Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / N. B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York: Routledge, 2007.

¹⁸ Kornblatt J. D. The Cossack Hero in Russian Literature: Study in Cultural Mythology. Madison: The University of Wisconsin Press, 1992.

¹⁹ LeDonne J. P. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York: Oxford University Press, 1997; *Idem*. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. New York: Oxford University Press, 2004.

²⁰ Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917. Cambridge: Harvard University Press, 1997 (рус. изд.: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск: Русич, 2001). См. также интересное эссе: Poe M. T. The Russian Moment in World History. Princeton: Princeton University Press, 2006.

²¹ Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West / Ed. B. W. Blouet. London: Frank Cass, 2005.

²² Weeks Th. R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1996; Reynolds M. A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

²³ Например: На страже границ Отечества. История пограничной службы / Под ред. В. И. Боярского и др. М.: Граница, 1998.

²⁴ Бербэнк Дж., Купер Ф. Взлет и падение великих империй / Пер. с англ. Е. Матвеевой и А. Буторова. М.: АСТ, 2015; Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. J. Burbank, M. Von Hagen, A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

уже в начале XX века передать молодым пограничникам традиции в области охраны рубежей и идею героической борьбы с контрабандистами²⁵. Уже в эти годы граница порой выступала в роли политического фильтра или пространства полицейского сотрудничества. В период между Венским конгрессом и 1880-ми годами империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов практиковали выдачу дезертиров, революционеров, преступников и бродяг. Это коснулось, в частности, участников польского восстания 1831 года²⁶. После революции 1905 года российской пограничной страже совместно с таможенной службой и полицией была поручена борьба с революционной пропагандой и ввозом оружия²⁷. Это касалось в первую очередь западных границ империи, хотя создание санитарного кордона и совместные репрессивные операции на территории Иранского Азербайджана свидетельствовали об озабоченности, связанной с распространением революционных идей в Закавказье, на границах с Персией и Османской империей²⁸.

Тем не менее в эту эпоху контроль строился не столько на самой границе, сколько в центре страны²⁹. Российская администрация создала в городах и деревнях настоящую бумажную стену, основой которой были внутренний паспорт и разрешение на выезд за границу; эти инструменты использовались впоследствии и в Советском Союзе, правда, в другом контексте. Речь шла о том, чтобы помешать выезду за рубеж тех, кого власти желали удержать на территории империи: крестьян, интеллектуальные элиты, государственных служащих, славянское население – одновременно поощряя выборочную, строго регламентированную иммиграцию, которая перекликалась с политикой других европейских стран. К концу XIX века контроль за физическими границами усилился, прежде всего в связи с развитием таможенного протекционизма. Таможенные уставы и инструкции в отношении пограничной стражи составляли тогда основу большинства практических мер, связанных с охраной рубежей³⁰.

В результате Первой мировой войны возникла совершенно новая ситуация, которая подразумевала сосуществование границ между государствами, национальностями и режимами; это наделяло рубежи несвойственным им ранее политическим измерением³¹. В ходе дебатов, сопровождавших перекройку карты Восточной Европы, официально доминировал принцип права народов на самоопределение, но каждый вариант национализма отстаивал свое понимание этого принципа. Многонациональная головоломка бывших имперских окраин была слишком сложной и взрывоопасной, чтобы ее решение могло уместиться в простую схему «каждому народу – по национальной территории». Кроме того, идеологическое противостояние, рожденное русской революцией, привело к появлению европейской «границы ценностей», подобной тем, что существовали в Европе периода Средневековья и Нового времени, в эпоху религиозных конфликтов и в конце XVIII века, когда Французская революция открыла фронт войны со старыми монархиями. Разрыв, вызванный Октябрем, был радикальным по своей риторике. Большевики были интернационалистами и стремились уничтожить границы между государствами во имя борьбы классов. Поэтому в те годы доминировал образ передовой линии, фронта революции, которая, как предполагалась, будет распространяться от одной советской республики к другой, приспособливаясь к рубежам между народами, но полностью уничтожая все

²⁵ Чернушевич М. П. Материалы к истории пограничной стражи. Т. 1–4. СПб., 1900–1906. Т. 1: Служба в мирное время (1825–1904 гг.). В момент подготовки этих сборников Чернушевич служил полковником в штабе корпуса пограничной стражи.

²⁶ Lohr E. Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union. Cambridge: Harvard University Press, 2012. P. 62 (см. рус. пер.: Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: Новое литературное обозрение, 2017).

²⁷ РГВИА. Фонд пограничной охраны. Ф. 4888. Оп. 1.

²⁸ Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800 / Ed. S. Cronin. London; New York: Routledge, 2013.

²⁹ Lohr E. Russian Citizenship (см. рус. пер.: Лор Э. Российское гражданство).

³⁰ Устав таможенный, 1904; Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб., 1912.

³¹ См. понятие «границы режима», предложенное Д. Нордманом: Nordman D. La Frontière // Dictionnaire critique de la République / Ed. V. Duclert, C. Prochasson. Paris: Flammarion, 2002. P. 499–504.

буржуазное и империалистическое, что было в границах. Однако, как это хорошо известно, коммунистическая утопия немедленно столкнулась с реалиями войны за удержание власти, которая диктовала необходимость одновременно бороться с утечкой ресурсов и препятствовать проникновению врагов. В 1918–1920 годах защита внешних рубежей революции выражалась в охране причудливых и прерывистых линий фронтов, которые отделяли территории, контролируемые Красной армией, от антибольшевистских зон. Следует также отметить, что потоки беженцев и мигрантов в это смутное время подчинялись противоположной по отношению к довоенному периоду логике: выезжали явно больше, чем приезжали, бежали многие, возвращались единицы³². В Россию направлялись лишь редкие патриоты, в 1914 году решившие защищать ее с оружием в руках, и убежденные революционеры, которых с 1918 года начала привлекать сюда идея строительства коммунизма³³.

На исходе Гражданской войны, когда в ходе мирных переговоров были определены новые границы с чрезвычайно враждебными и недоверчивыми соседями, охрана границ стала делом государственной безопасности, сохранив при этом сильное идеологическое измерение. Но началом превращения контроля за рубежами в подлинно навязчивую идею следует считать момент создания СССР как многонациональной федеративной структуры. За следующие два десятилетия проект антикапиталистической трансформации бывших имперских обществ обзаведется государственными практиками и языком и станет реальностью в ходе мобилизаций, репрессий и полной перестройки экономики и социальной структуры страны. При этом, однако, его реализация будет по-прежнему ограничиваться пределами территории 1920 года.

Граница, которая интересует меня в этой книге, лишь частично отражена на географических картах³⁴. Она не соответствует большому и в конечном счете плохо определенному масштабу окраин – территорий, которые ранее были предметом споров между империями и являлись ареной насилия, порожденного войной, гражданским конфликтом, а затем сталинским и гитлеровским режимами. Такая идентичность, обусловленная раз и навсегда заданной судьбой, кажется мне результатом взгляда извне, характерного для властителей империй, а вслед за ними – историков. Разумеется, порой она кажется вполне реальной, например в случае евреев черты оседлости, чьи три основные миграционные траектории столь блистательно проанализировал Юрий Слезкин³⁵. Но следует ли объединять внутри одного географического пространства бессарабских крестьян, украинцев Галиции, поляков и евреев из Вильно только потому, что все они были жертвами имперского насилия? Увы, «кровавые земли» в тот период не ограничивались окраинами империй, а идентичность жертвы с исторической точки зрения не имеет смысла применительно к моменту событий и к этим категориям населения³⁶. В отличие от специалистов по истории дипломатии или географии, моей задачей не является, впрочем, и анализ установления границ. Последние были определены в России согласно примерно тем же принципам, что и в Европе в результате подписания мирных договоров. Мой подход близок к тому, что предложил Питер Салинс, рассматривая границу как процесс, как освоение разрыва между примыкающими зонами, как трудное, являющееся предметом переговоров

³² Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924 / Ed. N. Baron, P. Gatrell. London: Anthem Press, 2004; Гусеф К. Русская эмиграция во Франции. Социальная история (1920–1939 годы) / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

³³ Coeuré S. La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique, 1917–1939. Paris: Seuil, 1999.

³⁴ Следует все же упомянуть работу по картографированию и выявлению различных форм границы, которая была осуществлена Мишелем Фуше: Foucher M. Fronts et frontières. Un tour du monde géopolitique. Paris: Fayard, 1991. P. 435; карты: P. 57–59.

³⁵ Рус. изд.: Слезкин Ю. Эра Меркурия: евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

³⁶ См. недавнюю дискуссию между, с одной стороны, Т. Снайдером (Snajder T. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Пер. с англ. Л. Журнаджи. Киев: Дулиби, 2015), а с другой – О. Бартово и Э. Д. Вайцем (Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian and Ottoman Borderlands / Ed. O. Bartov, E. D. Weitz. Bloomington: Indiana University Press, 2013).

создание отличия, которое со временем превращается в систему³⁷. Граница в этом исследовании существует только тогда, когда она влечет за собой последствия. Рубеж интересует меня в тех случаях, когда он вмешивается в политику, влияет на повседневную жизнь, вторгается в воображаемое. Чтобы показать этот эффект границы, мне пришлось создать ряд новых карт, отражающих различные административные и политические процессы. Масштаб анализа может быть самым разным: от локального, когда речь идет о таможенниках или пограничниках, до крупного – вплоть до целой республики, если таковая рассматривалась в качестве пограничной, как это было в случае Украины, когда 11 августа 1932 года Сталин потребовал превратить ее в крепость, чтобы не допустить ее «потери»³⁸.

Если мы хотим одновременно учитывать и разрабатываемую в Москве политику, и действия местных властей, и поведение жителей, наиболее адекватным является масштаб пограничной зоны – территории, размеры которой варьируют в зависимости от выбранных критериев, институтов и индивидов. Двусторонние комиссии по урегулированию пограничных происшествий действовали в пределах буферных зон, предусмотренных мирными договорами. Пограничные части осуществляли контроль на территории пограничных полос различной ширины. Милиция, отвечавшая за соблюдение правопорядка, суды, перед которыми представляли нарушители пограничного режима, таможенники и комиссии по борьбе с контрабандой, органы политической полиции, осуществлявшие административную высылку, – все они обычно подчинялись административной географии пограничных районов. Комендатуры ОГПУ вели работу по сбору сведений и осуществлению влияния в зоне, расположенной по обе стороны границы. Кроме того, пограничный статус не являлся окончательным. Быть или не быть частью пограничья? Этот вопрос был предметом постоянных переговоров между периферией и центром; тот или иной ответ на него влек за собой весьма заметные финансовые и другие последствия. Эти изменчивые параметры были усвоены жителями пограничья, которые тоже старались ими пользоваться. Как мы увидим, пространство границы было разным для колхозника, рыбака, охотника, не говоря уже о контрабандисте.

Москва приступила к выработке общей политики в отношении границ уже в 1920 году. Еще более явным это стремление стало в 1923–1924 годах. Поворот, символами которого в рамках классической политической истории долгое время считались поражение германской революции, смерть Ленина и выдвижение лозунга строительства социализма в одной стране, рассматривается в этой книге как ключевой момент в создании советского государства и его территории. Эта политика касалась как новой европейской границы СССР, так и его южных и восточных рубежей. Работа с архивными материалами позволяет осознать не только масштабы проектов, касавшихся границы, но и разнообразие затрагиваемых ими областей: речь шла о территориальной и социальной политике, контроле над населением, трансграничных практиках и связях, управлении миграцией и разрешении конфликтов³⁹. Их инициатива исходила от различных правительственных и партийных структур, в частности Главного управления пограничной охраны в составе ОГПУ, Наркомата иностранных дел, а в верхнем эшелоне власти – от Совнаркома и Политбюро. Существовали также межведомственные органы, специализировавшиеся на вопросах границы: Совет труда и обороны при СНК и межведомственная комиссия по обследованию (впоследствии – укреплению) погранполосы. Тем не менее, несмотря на наличие общей политики, ее приоритеты были разными на разных участках границы. Вопросы

³⁷ Sahlins P. *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press, 1989.

³⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Отв. ред. О. В. Хлевнюк, Р. В. Дэвис. М.: РОССПЭН, 2001. С. 273–274. Это письмо Сталина Кагановичу неоднократно комментировалось специалистами по истории сталинизма и голода в Украинской ССР.

³⁹ Большинство этих материалов находится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), где хранятся документы РКП(б)/ВКП(б)/КПСС до 1953 года.

трансграничных отношений, в частности в экономической сфере, и борьбы с бандитизмом стояли особенно остро в случае южных рубежей СССР, где по меньшей мере до середины 1930-х годов сохранялись различные формы сотрудничества с соседями. На границе с Монголией даже возникли зачатки модели межсоциалистического сотрудничества. Дальневосточные рубежи, напротив, являются ярким воплощением российской традиции колонизации и военной границы, особенно после перехода Маньчжурии под японский контроль.

В этой книге упоминаются и другие рубежи, но главное внимание уделено европейской границе от Дуная до Петсамо, в том числе благодаря подробному изучению отдельных ее участков: в районе Минска (граница с Польшей) и Ленинграда (граница с Финляндией)⁴⁰. В 1920-е годы западные рубежи Советского Союза были связаны с самыми сильными национальными и революционными эмоциями. Именно их касалось стремление превратить пограничную зону в витрину, демонстрирующую советские социально-экономические достижения. Именно здесь шла адаптация инструментов политики сотрудничества и соседства в целях обеспечения мирного сосуществования в условиях чрезвычайно высокой конфликтности. Наконец, именно здесь в 1939–1940 годах подверглось пересмотру территориальное статус-кво. Эта граница была пространством экспериментов в области контроля за территорией, в частности с помощью специальных запретных зон; она являлась также колыбелью советских репрессивных операций. Здесь был изобретен железный занавес.

Моей целью, впрочем, вовсе не является продемонстрировать культурную дистанцию между Советским Союзом и Европой. Напротив, я стремлюсь поместить большевистский эксперимент в контекст европейских тенденций того времени⁴¹. В межвоенный период в Европе возникло множество инноваций, которые касались управления национальными меньшинствами, контроля над мигрантами, внешних стратегий безопасности. Для этой политики пограничные территории имели ключевое значение. Европейская история 1920–1930-х годов была также отмечена становлением диктатур и тоталитарных режимов с одновременным распространением реваншистских и ревизионистских настроений, которые сопровождались требованием пересмотра границ и вели к вооруженным операциям. Какова была роль Советского Союза в этих процессах? Какое место в них занимали трансферы и заимствования?

Мои размышления опираются на перекрестное изучение нескольких историографических корпусов. Используя исследования Джереми Смита и Терри Мартина, посвященные национальному вопросу в СССР, и работы, изучающие защиту национальных меньшинств в Лиге Наций, я стремилась лучше понять международный контекст советской политики и возможные европейские отклики на проводимую Москвой политику национального ирредентизма⁴². Сопоставление переговоров, с одной стороны, о размежевании между советскими республиками, а с другой – о границах с соседними государствами заставляет поставить под вопрос правомерность водоразделов между историей внутренней и внешней политики⁴³. Исследования,

⁴⁰ Это стало возможным благодаря работе в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), Государственном архиве Минской области (ГАМО) и Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге (ЛОГАВ).

⁴¹ Размышления о социальной культурной модерности советского опыта в более общем европейском контексте содержатся в программной статье Стивена Коткина: *Kotkin S. Modern Times: The Soviet Union and the interwar conjuncture* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. № 1. P. 111–164.

⁴² *Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. New York: St. Martin's Press, 1999; *Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939* / Пер. с англ. О. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011. О подходе Женева см.: *Scheuermann M. Minderheitenschutz contra Konfliktverhütung? Die Minderheitenpolitik des Völkerbundes in den zwanziger Jahren*. Marburg: Verl. Herder Institute, 2000; *Korzec P. The Ukrainian problem in interwar Poland* // *Ethnic Groups in International Relations* / Ed. P. Smith. New York: New York University Press, Aldershot, Dartmouth Pub. Co., 1991. P. 187–209; *Mikhailovitch S. La protection des minorités nationales et la souveraineté de l'État* [Université de Paris, Faculté de droit]. Thèse pour le doctorat. Paris: Librairie Rodstein, 1933.

⁴³ О внутреннем размежевании см.: *Cadiot J. Le laboratoire impérial. Russie-URSS, 1860–1940*. Paris: CNRS Éditions, 2007 (рус. изд.: *Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия-СССР, 1860–1940* / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010); *Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University

посвященные контролю за миграцией и праву убежища, обеспечивают интересные возможности, чтобы оценить степень открытости или закрытости советских границ⁴⁴. Работы по международному праву, а также об истории обеспечения мира в Европе и истоках Второй мировой войны позволяют по-новому взглянуть на советскую политику защиты территории и вмешательства в дела иностранных государств⁴⁵.

Отказ от столь часто встречающегося при изучении Советского Союза историографического изоляционизма не ставит целью сделать историю этой страны банальной, забыв о ее исключительном по своим масштабам репрессивном измерении, которое сегодня уже хорошо изучено специалистами. Среди самых страшных его проявлений – крестьянские восстания 1921 года, раскулачивание и великий голод начала 1930-х годов, секретные операции и Большой террор 1937–1938 годов, Катынь и другие трагедии. Мой подход, однако, заключается в том, чтобы искать признаки возможной специфики советской политики границ скорее в революционной риторике, банальной рутине и мелких деталях административной практики, чем в жестоких полицейских операциях и аннексиях. Поэтому в поле зрения этого исследования попали такие разнородные явления и события, как трансграничная операция по сплаву леса и помощь повстанцам-коммунистам в Бессарабии, запрет на ловлю рыбы в запретной зоне и расстрелы нарушителей границы, отселение на несколько километров колхозников в Крыму и массовые депортации поляков и немцев из приграничных районов в Среднюю Азию. Некоторые из этих порой малозначительных, порой трагических событий имеют аналоги в истории соседних стран. Другие – не менее мелкие или трагические – являются, напротив, типично советскими. Исключительность советской системы не исчерпывалась насилием. Нередко она заключалась также в крайней политизации и тенденции прочитывать самые банальные практики в идеологических терминах. Как это показали исследования, ставшие возможными благодаря открытию архивов, многие решения советского режима нельзя найти в других странах, в то время как проблемы могли быть схожими. Заметим, кстати, что эти решения зачастую были противоречивыми. Для истории границ особенно важны два уже хорошо изученных вида специфически советской политики, к которым я буду неоднократно возвращаться. Во-первых, речь идет о чрезвычайно оригинальном для того времени решении построить Советский Союз, опираясь на многообразие национальностей и их территориализацию; это сопровождалось совершенно специфической поляризацией между положительной и отрицательной сторонами: акцентом на развитии национальных языков и культур и в то же время навязчивой боязнью предательства и репрессиями в отношении отдельных народов. Во-вторых, в высшей мере специфической чертой является деление социального тела на категории, что в контексте разнообразных экономических трудностей вело к возникновению сложной иерархии. В результате советское бесклассовое общество оказывалось поделено на «бывших», «лишенцев» и «выдвиженцев», а вся национальная территория дробилась на второсортные зоны и территории, пользующиеся некоторыми привилегиями⁴⁶.

Press, 2005. См. дипломатическую историю в: *Рынасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница, 1918–1938. СПб.: Европейский дом, 2000; *Borzęcki J.* The Soviet-Polish Peace.

⁴⁴ О советской миграционной политике см.: *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М.: Терра, 1991; *Gousseff C.* L'exil russe. Сравнительный подход можно найти в: *Noiriel G.* La tyrannie du national. Le droit d'asile en Europe (1793–1993). Paris: Calmann-Lévy, 1991; *Torpey J.* Revolutions and freedom of movement: An analysis of passport controls in the French, Russian and Chinese Revolutions // *Theory and Society*. 1997. Vol. 26. № 6. P. 837–868.

⁴⁵ См. об этих аспектах: *Calvez J.-Y.* Droit international et souveraineté en URSS. L'évolution de l'idéologie juridique soviétique depuis la Révolution d'octobre. Paris: Armand Colin, 1953; *Dullin S.* How to wage warfare without going to war? Stalin's 1939 war in the light of other contemporary aggressions // *Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 52. № 2–3. P. 221–243.

⁴⁶ О первом направлении политики см.: *Slezkin I.* The Soviet Union as a communal apartment, or how a socialist State promoted ethnic particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 415–452 (см. рус. пер.: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период.* Самара, 2001. С. 329–374). О втором: *Moine N.* Le système des passeports

В этом исследовании делается попытка осветить различные формы и пути возникновения того, что я называю «уплотнением границ». Плотность и закрытость границы присущи той системе, что выстроил советский режим. В книге «Institutions of Isolation» («Институты изоляции») Андреа Чэндлер подчеркивает, что закрытие советских границ произошло чрезвычайно рано⁴⁷. Не вызывает сомнений тот факт, что с первых своих шагов в роли новоявленных государственных деятелей Ленин и его соратники были одержимы идеей контроля за въездами и выездами и стремились во что бы то ни стало укрепить учреждения, призванные изолировать страну от бацилл капитализма и защитить ее от агрессивных действий представителей империалистического окружения. В то же время они хотели сохранить возможность действовать и оказывать влияние в ближнем зарубежье. Заметим также, что закрыть границу, особенно новую, нелегко. Привычки местных жителей и связи между соседями зачастую способствуют сохранению открытой границы. На практике ни один участок советских рубежей не был по-настоящему «на замке» до второй половины 1930-х годов. Чтобы достичь этого, потребовалось около пятнадцати лет, в течение которых граница выстраивалась во всей своей «плотности», сотканной из институтов и территорий.

При этом логичным было бы предположить, что, придя к власти, возможно, большевики и уж точно Сталин и его окружение оказались заложниками национальной традиции, подразумевавшей создание буферных зон и зон влияния; что, как и всех других российских правителей до них, их настигло чувство территориальной неуверенности и тенденция к автаркии; другими словами, что они, сами того не сознавая, унаследовали имперское одностороннее, замкнутое на себе представление⁴⁸. Однако это не кажется мне главным в советской политике границ. Процесс изобретения плотной, разбухшей границы осуществлялся в рамках революционных действий и полицейского надзора, дипломатических переговоров и военной подготовки, депортаций населения и военной аннексии – и все это на фоне разлитой в воздухе социально-политической враждебности или по крайней мере радикального недоверия по отношению к соседу, от которого следовало себя обезопасить и которого в то же время хотелось превратить в свое подобие.

à l'époque stalinienne. De la purge des grandes villes au morcellement du territoire, 1932–1953 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2003. Vol. 50. № 1. P. 145–169; *Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953*. New Haven; Stanford: Yale University Press, 2009.

⁴⁷ *Chandler A. Institutions of Isolation: Border Controls in the Soviet Union and its Successor States, 1917–1993*. Montréal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 1998.

⁴⁸ *Rieber A. J. How persistent are persistent factors? // Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past* / Ed. R. Legvold. New York: Columbia University Press, 2007. P. 205–278.

Глава 1. Публичное пространство и рубежи. Пограничник на страже советской родины

Отправной точкой для нас станет пограничник. Именно он, новый герой советского национального романа, мужественный и надежный, вдохновил меня на это исследование. Человек в зеленой фуражке с собакой был одним из центральных персонажей советской народной культуры и до сих пор является частью российской повседневности. Так, с ним регулярно сталкиваются пассажиры московского метро, ведь он входит в созданный М. Манизером пантеон революционных героев, которые украшают одну из центральных станций, «Площадь Революции». То и дело кто-то украдкой трет нос его верному псу, веря, что это принесет удачу на экзамене. В каталоге Российской государственной библиотеки слово «пограничник» встречается в названиях 114 книг, причем 51 из них приходится на сборники песен, которые начиная с 1930-х годов и вплоть до сегодняшнего дня регулярно издаются в Советском Союзе и постсоветской России. Пограничник – герой и создатель советского эпоса. Он упоминается во многих литературных произведениях, служа, в частности, для воссоздания атмосферы советского времени. В «Московской саге» В. Аксенов не без иронии сравнивает пса, живущего в семье Градовых, с «легендарной собакой Индус, что вместе с пограничником Карацупой так бдительно охраняла границы Советского Союза»⁴⁹. У братьев Вайнер в романе «Петля и камень в зеленой траве», написанном «в стол» в 1970-е годы, пограничник – это образ жизни:

...а форму пограничника купил в Военторге по безналичному расчету для самодеятельного театра, реквизит пропили, театр разогнали, самого Степанова вышибла из дому жена и он теперь живет в зеленой форме пограничника... Я буду сидеть здесь всегда, сучить копытами, носить чужие ордена и жить в форме пограничника⁵⁰.

Героями 8-серийного телесериала «Государственная граница», снимавшегося в Белоруссии в 1980–1988 годах и пользовавшегося успехом у зрителей, были несколько старомодные пограничники, хранители фундаментальных ценностей советского патриотизма. В Российской Федерации контроль над границами национальной территории и ближнего зарубежья по-прежнему является почетной работой, и пограничные войска с гордостью подчеркивают преемственность с советской и дореволюционной эпохой – вплоть до истоков древнерусской государственности в IX–XIV веках⁵¹. Существуют ли другие страны, где пограничник был бы возведен в ранг литературного персонажа и образца для юношества? Является ли это особенностью российской культуры или наследием коммунизма? В других социалистических странах, в частности в Болгарии и Чехословакии, образ пограничников также занимал важное место. Крайние формы миф осажденной крепости принял в Албании, где в сельской местности были сооружены мини-бункеры (по одному на каждого жителя) с целью защитить население от внезапного нападения американских империалистов!⁵²

До начала XX века охрана границ в большинстве стран была делом военных и таможенников. Пограничные формирования были, таким образом, частью армии (казачества, жандармерии) или финансовых служб (таможня). Во Франции административная служба погранич-

⁴⁹ Аксенов В. Московская сага. Кн. 3. Гл. 8. Ниже еще пойдет речь о знаменитой паре Н. Карацупа – Индус (Ингус).

⁵⁰ Вайнер А., Вайнер Г. Петля и камень в зеленой траве. Ч. 1. Гл. 7.

⁵¹ На страже границ Отечества. История пограничной службы / Отв. ред. В. И. Боярский и др. М.: Граница, 1998. Специализированное издательство «Граница» публикует много книг на эту тему.

⁵² Dullin S. Frontiere // Dizionario del comunismo nel XX secolo / Ed. S. Pons, R. Service. Torino: Einaudi, 2006. Т. 1 (A – L). P. 313–317.

ной и железнодорожной полиции появилась на вокзалах в 1811 году. В Российской империи в 1825 году был создан Отдельный корпус пограничной стражи, в 1893 году ставший автономным учреждением⁵³. Развитие этой профессии шло во всем мире. В США пограничная полиция, созданная в 1924 году, боролась с нелегальной иммиграцией⁵⁴. Но рост престижа этой службы в межвоенный период был прежде всего результатом патриотического подъема, наблюдаемого в недавно возникших или воссозданных государствах. Будь то Польша, кемалистская Турция или СССР, пограничники должны были наравне с армией защищать родину от внешней угрозы. Как мы увидим, престиж, которым наделялась охрана границ, был чаще всего пропорционален чувству территориальной уязвимости.

Подобно титрам фильма, эта глава предлагает читателю краткий обзор всего периода 1920–1940-х годов. Она посвящена нашему главному герою – пограничнику. В качестве публичной фигуры он выдвинулся в 1930-е годы, но первые красные пограничники заступили на службу в момент рождения большевистского режима. С нарастанием японской угрозы на востоке, а затем переносом границ на западе в результате советско-германского пакта они превратятся в «славных советских пограничников, зорко охраняющих рубежи СССР»⁵⁵.

⁵³ Положение об управлении Отдельного корпуса пограничной стражи, 15 октября 1893 года // Пограничная служба России. Энциклопедия / Под ред. К. Н. Маслова. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2008. С. 19–21.

⁵⁴ *Ettinger P.* Imaginary Lines: Border Enforcement and the Origins of Undocumented Immigration, 1882–1930. Austin: University of Texas Press, 2009; *Torpey J. C.* L'invention du passeport: Etats, citoyenneté et surveillance / Trad. de l'angl. E. Lamothe. Paris: Belin, 2005. P. 150.

⁵⁵ См. статью «Пограничные части» в Большой советской энциклопедии (М.: Советская энциклопедия, 1945. Т. 51. С. 762–763).

Пограничник в публичном пространстве

Появление пограничника на публичной сцене можно датировать серединой 1930-х годов, то есть периодом расцвета сталинизма, когда с момента революции и Гражданской войны прошло уже почти двадцать лет.

Начало первой пятилетки и коллективизации в 1929 году означало максимальную мобилизацию всего населения, призванного совершить великие трудовые подвиги. Речь шла о том, чтобы построить социализм – здесь и сейчас. Соцсоревнование, требовавшее от каждого преодолеть самого себя, охватывало все сферы жизни страны. Среди его живых символов можно было найти передовиков производства, подобных Стаханову, бесстрашных летчиков во главе с Чкаловым, а также пограничников. Сталинская версия модерности была конкретной и воплощалась в реальных фигурах⁵⁶. Военная мобилизация, усилившаяся в 1931–1932 годах, сопровождалась активной пропагандой. Перед лицом японской угрозы бюджет обороны вырос, а усилия, направленные на защиту рубежей, удвоились. От творцов народной культуры ожидалось, что они будут стимулировать патриотическое воображение в этом направлении. В этом контексте вновь усилился интерес к героям Гражданской войны, чей культ начал складываться еще в 1920-е годы. Созданный Д. Фурмановым в 1923 году персонаж кавалериста Чапаева в 1934 году стал главным героем одноименного фильма братьев Васильевых, который пользовался невероятным успехом⁵⁷. Реабилитировалась и традиция казачества. Отныне казаки, которые у Исаака Бабеля были последним осколком старого мира, выступали в качестве предшественников нового человека. Благодаря «Тихому Дону» М. Шолохова казацкий героический эпос стал частью советского литературного наследия⁵⁸. Кстати, в 1936 году казаки получили право служить в любых частях Красной армии. Несколько лет спустя сталинский режим реабилитировал ряд великих военачальников прошлого, в том числе Александра Невского, великолепного героя фильма С. Эйзенштейна, который вышел 7 ноября 1938 года по случаю 21-й годовщины Октябрьской революции.

В отличие от казака фигура пограничника, обладавшая очевидным педагогическим потенциалом в деле воспитания юношества, была однозначно связана с настоящим. Пограничник воплощал два центральных элемента советской политической культуры того времени. Это был новый человек, участвовавший в покорении, освоении и контроле над безграничными пространствами советской родины, вплоть до ее самых экзотических окраин⁵⁹. Одновременно он был чекистом, охраняющим рубежи от посягательств с востока и запада. В феврале 1936 года председатель ЦИК СССР М. Калинин воздал честь «нашим пограничным полкам – передовым полкам Красной Армии», которые в мирное время должны были противостоять ежедневным провокациям со стороны капиталистического окружения. В этой роли пограничники реактуализировали, не заменяя его, столь популярный в СССР образ участника Гражданской войны, красноармейца, одолевшего «белых» и своим мужеством спасшего юную Страну Советов. Пограничник утверждался в качестве солдата мирного времени, ведущего борьбу со шпи-

⁵⁶ О передовиках и других героях сталинизма, см.: *Фигурантик III. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2001. С. 84–93.*

⁵⁷ *Graffy J. Chaparev. New York: I. B. Tauris, 2010; Hicks J. The international reception of early Soviet sound cinema: Chaparev in Britain and America // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2005. Vol. 25. № 2. P. 273–289.*

⁵⁸ Первые пять частей «Тихого Дона» вышли в журнале «Октябрь» в 1928 году, шестая была опубликована там же в 1929–1933 годах, а седьмая и восьмая вышли в «Новом мире» в 1937–1938 и 1940 годах.

⁵⁹ Пограничник, таким образом, был частью советской воображаемой географии, которую проанализировала Эмма Виддис на основе корпуса фильмов: *Widdis E. Visions of a New Land. Soviet Film from the Revolution to the Second World War. New Haven: Yale University Press, 2003.*

онами и саботажниками, которая превратилась в настоящую манию после убийства Кирова в декабре 1934 года.

Анализ места пограничника в советском публичном пространстве может опереться на множество источников: фильмы, романы для юношества, песни, статуи, школьные издания, фотографии и кадры кинохроники, служившие для выработки официального нарратива. В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) сохранилось триста фотографий пограничников, большая часть которых восходит к периоду до 1940 года. В 1928–1939 годах было также снято 18 эпизодов кинохроники, частично или полностью посвященных пограничникам. Хотя этот корпус визуальных документов нельзя назвать очень большим, он свидетельствует о появлении и постепенном (особенно после 1936 года) выходе на передний план новой темы в документальном и художественном кино.

Защитник новой страны

Интересно отметить, что в 1936–1940 годах в СССР пограничники становились героями художественных фильмов чаще, чем рабочие и крестьяне⁶⁰. В условиях стремительного роста киноиндустрии быстрое развитие переживал приключенческий фильм. Первым фильмом, героями которого были пограничники, стал вышедший в 1935 году «Джудльбарс», названный так по имени главного персонажа, отважной овчарки⁶¹. Подобные фильмы с героическим, манихейским сценарием, рассказывающим о приключениях пограничников и их борьбе с бандитами и шпионами, пользовались большим успехом. Среди наиболее популярных в 1936–1939 годах лент можно назвать «Тринадцать», «Граница на замке», «Дочь Родины», «На границе», «Морской пост», «Комендант Птичьего острова»⁶².

Таблица 1. Приключенческие фильмы с героями-пограничниками (вторая половина 1930-х годов)

Год	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	Всего
Фильмы	28	32	49	39	43	56	45	292
Приключенческие фильмы, действие которых происходит на границе	1	5	6	8	8	14	5	47
Доля (в процентах)	3,5	15,6	12,2	20,5	18,6	25	11	16

Таким образом, в художественном кинематографе образ пограничника начал развиваться после 1935 года. Основой для него стал ряд архетипических репрезентаций, пришедших из журналистики. Первые кинообразы пограничников были созданы в 1928 году для «Совкиножурнала», посвященного 10-летию юбилею Красной армии. Этот выпуск кинохроники открывался, согласно описанию, следующими кадрами:

Сухопутные, воздушные, морские участки границы СССР: пограничные столбы, часовой, погранзастава, пограничники в дозоре, самолеты в воздухе, корабли в море. Парад на Красной площади...⁶³

⁶⁰ Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. М.: Искусство, 1961. Т. 2.

⁶¹ Двумя годами ранее вышел фильм «Моя родина» (реж. А. Зархи и И. Хейфиц. Росфильм, 1933), посвященный борьбе красноармейцев с китайскими и белогвардейскими бандитами. Его действие происходило на советско-китайской границе, но в нем еще не фигурировали пограничники и погранзастава.

⁶² Советские художественные фильмы; Югов Ю. Кинофильмы о советских пограничниках // Пограничник. 1946. № 18. С. 75–78.

⁶³ Совкиножурнал. 1928. № 8/117 // РГАКФД.

В 1931 году вышел документальный фильм «По советским границам» («Союзкинохроника»), приуроченный к 10-летней годовщине создания пограничных частей. В 1931–1936 годах на погранзаставах было отснято большое количество фотографий. В последующие годы такие изображения тиражировались в немыслимых количествах. Что можно было на них увидеть?

На фотографиях и в кинокадрах пограничники изображались в контексте, например в виде застывшего и напряженно всматривающегося в невидимый горизонт часового в высоких сапогах и с ружьем (*ил. 1*). Это был обязательно мужчина, поскольку в те годы женщины в погранвойсках не служили. Он был молод и держался подчеркнуто прямо, гордо стоя на страже украшенных триумфальными арками ворот Страны Советов (*ил. 2*)⁶⁴. Чаще, однако, пограничники изображались не в местах официального въезда на советскую территорию, а там, где они выполняли свою главную функцию – поиск «нарушителей границы». Они могли быть сняты на фоне дикой природы, возле пограничного столба, на вышке с биноклем, а главное – затаившись, как на охоте, в сопровождении верного пса. Иногда пограничники позировали в масках, стоя на лыжах.

Кинорепортажи, посвященные погранслужбе, чаще всего начинались с пейзажа и кадров, в которых появлялся пограничный столб, а сразу после него – пограничник на посту. После этого камера направлялась к казарме, выхватывая иногда по пути вышку и дозорную тропу. Жизнь на границе сводилась, таким образом, к нескольким кадрам. В монтажных листах 5-го выпуска «Социалистической деревни» мы читаем:

Поселок пограничников. Пограничники чистят лошадей, делают физзарядку, рассматривают карту, едут верхом, конвоируют контрабандистов, бегут по полю в противогазах, стреляют лежа⁶⁵.

Пограничник делал границу видимой, осязаемой. Без него она ускользала от взгляда. Кустарник, лес, поля – ничто не выдавало присутствия этой линии, за исключением таких удобных изображений рек и берегов. Да и с ними все было непросто. В то время как в коллективном воображении такие реки, как Уссури и Амур, действительно воспринимались в качестве рубежей, на практике все было сложнее из-за многочисленных рукавов и покрытых буйной растительностью берегов. Пейзаж становился по-настоящему пограничным только с появлением заветного столбика, немедленно ассоциирующегося с фигурой пограничника. Советский образ рубежей, таким образом, опирался прежде всего на людей границы, которые, защищая страну, делали осязаемыми ее контуры.

Вплоть до Второй мировой войны в советском дискурсе не использовалось понятие естественной границы. В марксистской традиции последняя могла наделяться положительным смыслом, будучи связанной с демократическими и национально-освободительными революциями начала XIX века. Когда же речь заходила об империалистических державах, это понятие подвергалось яростной критике как служащее «лишь ширмой для прикрытия захватнической политики великих держав»⁶⁶. В рамках советской постколониальной политики дискурс естественных границ, в частности для обоснования притязаний на выход к теплым морям, напоминал о царских войнах и являлся частью заклеянного русского, имперского, панславистского наследия. Тем не менее во второй половине 1930-х годов в географические репрезентации Советского Союза будет включена идея своего рода евразийской очевидности границ.

⁶⁴ В фильме «По советским границам» пограничники, стоящие за аркой, приветствуют трудящихся Запада, приглашая их на родину победившего пролетариата.

⁶⁵ Социалистическая деревня. 1932. № 5 // РГАКФД. Выпуски «Социалистической деревни» включали короткие сюжеты, отснятые областными студиями «Союзкинохроники».

⁶⁶ Границы государственные // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1930. Т. 18. С. 814.

Вот как начиналась статья о пограничниках в вышедшем на французском языке в 1938 году «Популярном очерке истории Красной армии», подлинной жемчужине конкретного патриотизма:

На границах нашей любимой Родины. От Баренцева моря до Памира, от Днестра до Берингова моря бойцы Красной армии и Военно-морского флота бесстрашно защищают мирный труд и спокойствие нашей великой Отчизны. Отважные сыны нашего великого народа, они руководствуются славным сталинским лозунгом: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»⁶⁷.

Советский Союз представал в виде острова-континента: «Границы огромного Советского Союза достигают 60 тысяч км, что соответствует полутора диаметрам Земли. Воды двенадцати морей омывают неприступные берега нашей страны»⁶⁸. Так восходящие к Гражданской войне образы капиталистического окружения и осажденной крепости переводились на язык природных метафор. Остров становился географическим эквивалентом гордой изоляции, в которой пребывала страна победившего пролетариата. Такое представление, однако, грозило вызвать притупление бдительности, как это подчеркнул Сталин в своем знаменитом ответе товарищу Иванову, опубликованном в «Правде» 12 февраля 1938 года:

Мы могли бы сказать, что эта победа является окончательной, если бы наша страна находилась на острове и если бы вокруг нее не было множества других, капиталистических стран. Но <...> мы живем не на острове <...>.

Камера движется от границ к внутренним территориям. Пограничник стоит на страже сокровищ советской жизни и достижений на внутреннем фронте. Особенно ясно эта идея звучала в репортажах киножурнала «Социалистическая деревня», целью которого было освещать успехи социалистического строительства в различных уголках СССР. Так, в 1930 году выпуск, посвященный 10-летию Советской Карелии, начинался с кадров, снятых на советско-финляндской границе (пограничный столб, часовой), затем переходил к объектам лесной и бумажной промышленности и, наконец, к Петрозаводску⁶⁹. Аналогичным образом строился выпуск от 6 января 1937 года, посвященный Всесоюзной переписи населения:

Черноморский пейзаж. Сбор чая в одном из колхозов. Парусные лодки, рыбаки в море. Пустыня, движется караван верблюдов. Арктический морской пейзаж. Пограничники в дозоре. Один из участков границы СССР. Пограничная застава, пограничный столб. Строительство Днепрогэс. Города с новыми многоэтажными домами, уличное движение. Колхозники разных колхозов за работой, на занятиях, отдыхе. Движение собачьих упряжек. Охотники далеких стойбищ получают паспорта. Пионеры на отдыхе, купаются в море. Дети в детском саду. Матери и новорожденные в родильном доме. Перепись населения: работа счетчиков, счетчики в квартирах известных людей, в т. ч. Марии Демченко. Механизированная обработка итогов переписи⁷⁰.

⁶⁷ Précis populaire d'histoire de l'Armée rouge // Staline J., Vorochilov K. L'Armée rouge est prête. Paris: Bureau d'éditions, 1938. Текст приводится в переводе с французского за исключением цитаты из «Политического отчета ЦК», представленного И. В. Сталиным 27 июня 1930 года на XVI съезде ВКП(б).

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ За десять лет / Опер. З. Сабитов, А. Зильберник. Востокфильм, 1930 // РГАКФД.

⁷⁰ 6 января, день Всесоюзной переписи населения / Опер. Л. Степанов. Московская студия «Союзкинохроники», 1937 // РГАКФД.

Движение от внешних рубежей к внутреннему пространству сопровождается переходом от природы к цивилизации и современности. В силу этого граница продолжает видеться скорее в качестве периферийной зоны, чем линии. Пограничник стоит на передовом посту цивилизации.

На службе народа

Одновременно на местном уровне пограничник играл роль носителя советской культуры, старшего брата, всегда готового просвещать и помогать. Тесные связи с местными жителями были топосом в репрезентации пограничников в 1930-е годы. Предполагалось, что эти отношения были двусторонними.

Одним из важных советских принципов было постулирование – в отличие от буржуазных стран – неразрывной связи между армией и народом. Как это подчеркивал в 1928 году Сталин, «у нас, наоборот, народ и армия составляют одно целое, одну семью»⁷¹.

Стремление укрепить связи между населением и Вооруженными силами привело в начале 1920-х годов к созданию системы шефства. В случае войск ОГПУ правила шефства были разработаны в мае 1924 года⁷². Речь шла о том, чтобы на различных уровнях связать воинские части с государственными органами, общественными организациями и предприятиями (сельсоветами, парторганизациями, профсоюзами, кооперативами, колхозами, заводами). Помимо идеологических, немаловажную роль играли практические соображения, а именно стремление компенсировать недостаточный объем средств, выделяемых войскам, и улучшить их снабжение за счет объединения сил и помощи со стороны местных организаций. Как мы увидим ниже, в момент окончания Гражданской войны условия в пограничных районах были катастрофическими, пограничники испытывали нужду во всем: от продуктов питания (помимо выдаваемой им малосъедобной солонины) до мыла, табака, обуви, ружей, белья и казарм, не говоря уже о книгах и газетах. Тем не менее, создавая систему шефства, политотделы делали акцент на идеологическом и культурном воспитании солдат и на взаимной пользе, которую могли принести друг другу местные организации и погранзаставы.

Интересно отметить изменение, произошедшее в конце 1920-х годов. Отныне транслируемый на центральном и местном уровне дискурс представлял пограничников как стоящих на службе населения, а не наоборот. В момент коллективизации широко подчеркивалось их участие в развертывании колхозного движения. Как утверждалось, на польских и румынских рубежах пограничники помогли создать пятьдесят колхозов⁷³. Подобным образом в рамках развертывания соцсоревнования, охватившего Вооруженные силы, пограничники были первыми, кто стал устраивать воскресники, направляя бригады ударников помогать колхозникам в проведении сева и жатвы. Кроме того, они подавали пример, устраивая огороды при казармах. Пресса публиковала многочисленные фотографии, на которых были запечатлены пограничники, работающие в полях. В 1931 году по случаю десятой годовщины создания погранвойск целый ряд колхозов взял себе имя «Пограничник», стремясь тем самым подчеркнуть тесные связи с той или иной заставой. Благодаря работе комсомольцев и политотделов погранзаставы становились центрами культурной жизни на местном уровне. Они снабжали газетами, журналами и книгами избы-читальни, которые создавались в 1920-е годы для поднятия культурного уровня

⁷¹ О трех особенностях Красной армии: Речь на торжественном пленуме Московского совета, посвященном десятой годовщине Красной армии 25 февраля 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 11. С. 21.

⁷² Положение о шефстве в пограничной охране, войсках и флоте ОГПУ // Пограничные войска СССР, 1918–1928. Сборник документов и материалов / Под ред. А. И. Чугунова и др. М.: Наука, 1973. С. 215.

⁷³ Речь идет об Олевском, Славутском, Ямпольском и Волочискском погранотрядах: Из донесения Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Украины об участии пограничников в социалистическом строительстве на селе // Пограничные войска СССР, 1929–1938. Сборник документов и материалов / Под ред. А. И. Чугунова и др. М.: Наука, 1972. С. 67–68.

сельского населения и руководство которыми нередко находилось в руках демобилизованных красноармейцев⁷⁴. Пограничники устраивали лекции, вечера, киносеансы, участвовали вместе с руководством сельсоветов и местных парторганизаций в проведении агиткампаний, в частности предвыборных. В обмен колхозники должны были помогать им ловить нарушителей границы и укреплять пограничную линию⁷⁵.

Следует отметить значительное сходство в том, как выстраивались по обе стороны рубежей представления о погранслужбе, в частности о ее отношениях с населением. В Польше, к примеру, погранотряды тоже должны были содержать библиотеки и проводить разнообразные культурные мероприятия, адресованные солдатам, но доступные и для местных жителей: показы фильмов, концерты и театральные постановки. Кроме того, упоминалось и создание образцовых с агрономической точки зрения огородов, которые должны были служить примером для окружающего населения. Не исключено, что в ряде случаев речь шла о заимствовании советского опыта, ведь поляки очень внимательно наблюдали за всем, что происходило у соседа. Подобно советским пограничникам, польские погранотряды, служащие на восточной границе, создали в 1932 году стенную газету *Na straży*, а в 1936 году – «Воспитательно-пропагандистский бюллетень». Начиная с 1938 года офицеры проходили обучение, призванное помочь им вести пропаганду и развивать связи с гражданским населением пограничных районов⁷⁶.

Особое внимание уделялось «цивилизаторской» деятельности пограничников на далекой периферии, где они выступали в роли главных представителей центральной власти и важнейших участников освоения территорий. Этот аспект, заметный и на западных границах, с особой силой проявился на восточных рубежах. В качестве характерного примера можно привести отчет Сахалинского погранотряда, представленный в июле 1930 года⁷⁷. В нем подробно описаны проявления повседневного героизма, «бесконечной преданности» и профессионализма, с которым его бойцы подходили к охране, освоению и «хозяйственному строительству» Сахалина⁷⁸. Заслуги пограничников превозносились на собраниях местных жителей, например на собраниях трудящихся г. Александровска, портовых рабочих, служащих Дальжелдорстроя, работников предприятий лесной промышленности и многих других. Образцовые и универсальные представители социалистического общества, пограничники получали письменные и устные заверения в уважении и доверии со стороны участников этих собраний, на которых царил единодушие. По выходным и в свободные от работы часы ударные бригады пограничников освобождали берега ото льда, помогали разгружать суда, сплавливать лес и ремонтировать дороги⁷⁹. Они учили грамоте население восточного побережья и являлись там главными представителями центра. Подобно военным царской России, они занимались обследованием неизученных частей острова, привозили из экспедиций сведения о рельефе, особенностях почвы, реках, лесной и морской фауне, лесных ресурсах и возможностях их освоения. Они передали в Геологический комитет ДВК образцы пород, которые свидетельствовали о наличии здесь при-

⁷⁴ Sumpf A. Entre démobilisation et surmobilisation: l'impossible repos du soldat rouge (1921–1929) // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2008, avril – juin. № 98. P. 177–190.

⁷⁵ См. пример Ленинградского погранокруга: Шефство комсомола над техническим оборудованием границы // Пограничник. 1939. № 1. С. 71.

⁷⁶ Dominiczak H. Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939. Warszawa: PWN, 1992. P. 147–160; Mastoń A. Rozwój szkolnictwa zawodowego w formacjach ochraniających wschodni i północno wschodni odcinek granicy Rzeczypospolitej polskiej w okresie międzywojennym // Z dziejów polskich formacji granicznych 1918–1939. Studia i materiały / Ed. B. P. Koszalin. Koszalin, 2002. P. 157–169.

⁷⁷ Что проделал Сахалинский погранотряд ОГПУ // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1132.

⁷⁸ Резолюция 2-го пленума комитета комсомола Сахалинского округа // Там же. Л. 31.

⁷⁹ Отчет комиссии под председательством зам. нач. Сахалинского погранотряда Масленникова с участием уполномоченного погранслужбы Биверштена, 27 июня 1931 г. // Там же. Л. 22–30.

годных для разработки месторождений железа и золота⁸⁰. Наконец, Сахалинский погранотряд служил питомником кадров для местной промышленности и администрации. В 1930 году в Александровске на руководящих постах работало девять бывших пограничников.

Не менее часто встречались и упоминания помощи в охране границы со стороны гражданского населения. Самым типичным олицетворением такого сотрудничества был образ местного жителя (нередко в лице женщины или ребенка), который указывал пограничнику направление, в котором скрылся нарушитель границы, или склонялся над следами рядом с одним или двумя бойцами. На практике, однако, женщины, по-видимому, находились на заднем плане. В 1936 году за активную помощь пограничникам орденом «Знак Почета» были награждены 36 колхозников и всего 5 колхозниц⁸¹. Их фотографии обильно тиражировались в печати.

Разумеется, эта тема чрезвычайно ценилась в кинематографе, где она позволяла выстроить индивидуальную историю. В «Границе на замке» фашистский шпион пересекает белорусско-польскую границу благодаря помощи со стороны поляков и кулака, но советским пограничникам вместе с колхозниками и двумя мальчиками удается помешать осуществлению вражеских планов⁸².

Поддержка со стороны местного населения постепенно принимала более четкие и организованные формы, например с введением пионерской практики на погранзаставах и развитием движения «Ворошиловских стрелков». В 1936 году были созданы добровольные районные оборонительные секции, члены которых отвечали за тот или иной пограничный наблюдательный пункт. Население, однако, относилось весьма прохладно к постоянно растущему количеству новых гражданских обязанностей. В 1936 году в Кингисеппском округе на эстонской границе было объявлено о создании 86 оборонительных секций при сельсоветах, которые насчитывали 560 членов. Но, по данным отчета, в феврале 1937 года действовало лишь 32 секции с 216 членами⁸³. Представленное на рассмотрение правительства и Наркомзема в сентябре 1939 года предложение засчитывать как трудовое время, потраченное на охрану границы, не встретило поддержки Сталина и Берии, которые продолжали настаивать на принципе добровольного служения родине и поощрении особо отличившихся. Главным образом они боялись, что это будет отвлекать крестьян от работы в колхозе⁸⁴.

Охрана границ была делом пограничников. Советская риторика, однако, превратила ее в дело всех граждан СССР. В главе, посвященной правам и обязанностям населения, Конституция 1936 года провозглашала защиту Отечества «священным долгом каждого гражданина СССР» (ст. 133). Знаменитый фотокولاж Виктора Корецкого, вышедший в начале 1941 года, предлагал конкретное воплощение этой идеи. На фоне карты Советского Союза, заполненной пестрой толпой представителей различных национальностей в традиционных костюмах, изображено шесть вооруженных человек: одна девушка и пятеро мужчин (рабочий, служащий, летчик, моряк, солдат). Занимая все свободное пространство, эти дозорные делали визуальную невозможную любую попытку проникнуть на советскую территорию⁸⁵. Пограничник воплощал идеал советского человека – такого, каким его воображал режим: бдительного и преданного.

⁸⁰ Вплоть до своей смерти в 1929 году координацией изучения Дальнего Востока занимался В. Арсеньев, этнограф, географ, совершивший первые экспедиции на Сахалин и Сихотэ-Алинь в 1905 году: *Хисамутдинов А. А.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 2005.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1093, 1095.

⁸² Граница на замке. Приключенческий фильм для детей и подростков / Реж. В. Журавлев. Союздетфильм, 1937 (в прокате с начала 1938 года).

⁸³ ЛОГАВ. Ф. 1913. Оп. 4. Д. 1.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 6446. Оп. 23а. Д. 91. Л. 4–6.

⁸⁵ *Корецкий В.* Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. М.; Л.: Искусство, 1941. Тираж 90 тысяч экземпляров. См.: *Barthélémy Ch.* La frontière soviétique à l'affiche des années 1920 aux années 1950 // *Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe, de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sous la dir. de S. Coeuré et S. Dullin.* Paris: La Découverte, 2007. P. 183–197.

Пограничник и его верный пес: новый герой советской молодежи

Заметный вклад в популяризацию этой темы внес кинематограф. Фильмы о пограничниках играли для советских детей и молодежи роль вестернов. Их успеху способствовали в том числе экзотические пейзажи советских рубежей. Пограничная служба – такая, какой ее показывали в фильмах – удовлетворяла потребность публики в приключениях. Первые советские фильмы на эту тему особенно охотно показывали восточные границы, изображая их, как того требовала пропаганда, в виде самых экзотических уголков страны. В результате некоторые новобранцы стали проситься в пограничники, мотивируя это желанием увидеть «южные пески каракумской пустыни»⁸⁶.

Частью своей популярности пограничник был обязан собаке. Первый выпуск кинохроники, посвященный дрессировке собак, которым предстояло служить на границе, вышел в 1933 году, но по-настоящему неразлучными солдат и его пес стали два года спустя, после выхода художественного фильма «Джудльбарс». На фоне величественных пейзажей Памира отважные бойцы при поддержке местных жителей в традиционных костюмах борются с бандитами, орудующими на афганской границе. Незаменимым помощником в этой борьбе является собака, принадлежащая старому крестьянину. Пограничники берут ее к себе, дрессируют, и Джудльбарс становится первым пограничным псом на советском экране⁸⁷. Оттуда мода переходит в скульптуру и прикладное искусство, и в советские дома проникают фигурки пограничника с собакой (или их детский вариант – пионер с собакой), которые большими партиями выпускают фарфоровые заводы. Так пограничник входит в повседневную жизнь, заполняя экраны и школы, городское пространство и домашние интерьеры. Юные зрители кукольных театров с увлечением следят за приключениями пограничников, сражающихся со шпионами⁸⁸, а школьные учебники используют этого персонажа с воспитательными целями. Показательной является вышедшая в 1937 году в издательстве детской литературы при ЦК ВЛКСМ книга Григория Рыклина «Рассказы о пограничниках» для детей десяти – тринадцати лет. В ней мы находим все элементы этого мира: лексику погранзаставы (казарма, вышка, пограничная тропа), разнообразие пограничных ландшафтов (заснеженные горы, реки, тростниковые заросли, болота, леса), героев, изображаемых с помощью картинок, коротких описаний и диалогов, наконец, образ невидимого, скрытого растительностью рубежа, который становится осязаемым благодаря действиям пограничника и его бдительности⁸⁹.

Как ни удивительно, пятьдесят лет спустя, в начале 1980-х, и изображения, и педагогическое содержание будут оставаться теми же, что и в 1930-х годах, и все изменения ограничатся использованием более контрастных цветов⁹⁰. Школьников по-прежнему будут просить составить по картинкам рассказ, начинающийся словами: «У пограничника была умная собака Ингус. Однажды...», вставив в него следующие предложения: «Пограничник с собакой отправился в дозор», «собака почуяла след», «диверсант выстрелил первым». Пес Ингус (или Индус) и его хозяин Никита Федорович Карацупа стали постоянным воплощением фигуры пограничника с собакой в советской популярной культуре. Начало превращения Карацупы в героя датировалось концом 1930-х годов. Свою первую награду, орден Красного Знамени, он получил

⁸⁶ См., в частности, автобиографию Д. Зиновьева, 6 июля 1937 г. // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 7. Д. 55. Л. 206–207.

⁸⁷ Приключенческий фильм «Джудльбарс» (Межрабпом, 1935) вышел на экраны в начале 1936 года. Его режиссер Владимир Шнейдеров специализировался на документальных фильмах.

⁸⁸ *Ilyukha O. La «frontière verrouillée»: images, symboles et réalités de la frontière dans l'éducation des écoliers soviétiques des années 1930 au début des années 1950 // Frontières du communisme. P. 336–357.*

⁸⁹ *Рыклин Г. И. Рассказы о пограничниках. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937.*

⁹⁰ Например: *Бараников И. В., Варковицкая Л. А. Русский язык в картинках. 9-е изд. М.: Просвещение, 1981. С. 94–95 (1-е изд. 1973).*

вместе с другими солдатами своего полка в феврале 1936 года. Благодаря большому количеству задержаний он быстро превратился в образцового воина, своего рода Стаханова пограничных частей. Как утверждается, за 20 лет службы, с 1937 по 1957 год, Карацупа принял участие в 120 столкновениях, задержал 338 нарушителей границы и уничтожил 129 вооруженных шпионов и диверсантов⁹¹.

Биография Карацупы – образец жизненной траектории советских героев. Он родился 25 апреля 1910 года в семье украинских крестьян, живших в деревне Алексеевка Куйбышевского района Запорожской области, где были сильны казачьи традиции. Потеряв в три года отца, а в семь – мать, Никита Карацупа воспитывался в детском доме. В 1932 году он был направлен служить в пограничные войска, а год спустя прошел обучение в школе младшего начальствующего состава служебного собаководства Дальневосточного военного округа. Это определило его дальнейшую судьбу офицера пограничных войск, проводника служебных собак. В 1937 году после дополнительного обучения он стал инструктором служебных собак на заставе «Полтавка» Гродековского погранотряда, прославившегося успешным отражением японских атак на границе с Маньчжурией. Карацупа вступил в партию только в 1941 году. В 1950-х годах он служил в Главном управлении пограничных войск и участвовал в создании пограничной службы Вьетнама, а в 1961 году уволился в запас. Имя Никиты Карацупы носит ряд школ, библиотек, кораблей, погранзастав во Вьетнаме и в Индии. 21 июня 1965 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением «Золотой звезды» и ордена Ленина «за образцовое выполнение заданий командования по защите Государственной границы СССР и проявленные при этом мужество и героизм». Он являлся почетным пограничником заставы, на которой прошли первые десять лет его службы на Дальнем Востоке; за девять месяцев до его смерти, 18 ноября 1994 года, заставе было присвоено его имя. Как до перестройки, так и после Н. Ф. Карацупа отвечал за Центральный пограничный музей в Москве – настоящий заповедник советской цивилизации.

Своей многолетней популярностью «марка Карацупа» обязана, впрочем, прежде всего верному товарищу пограничника – немецкой овчарке. Подобно Джульбарсу, Индус был умным и смелым псом, не раз спасавшим своего хозяина и способным справиться с любым шпионом.

В то время как фигура пограничника приобретала все более героические черты, что представляли собой те, кто служил прообразом этого героя?

⁹¹ Рябчиков Е. И. Следопыт: о Н. Ф. Карацупе. М., 1983; *Карацупа Н. Ф. Жизнь моя – граница: рассказы пограничника* (для мл. школ. возраста). Хабаровск, 1986 (1-е изд. 1983); *Он же. Записки следопыта*. М.: Граница (серия «Слово о пограничниках»), 2003 (1-е изд. 1998). Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Центрального пограничного музея.

Рождение политизированного корпуса пограничной службы

Основы охраны границ в Советской России были заложены в 1918 году путем реорганизации имеющихся структур. Как и до 1914 года, Главное управление пограничной охраны зависело от Министерства (отныне Наркомата) финансов. Оно служило вооруженным дополнением к таможенной службе. Самой срочной задачей для большевиков было помешать массовому бегству капиталов и ценностей за рубеж. В тот момент не существовало точных границ, и малочисленные пограничники были сосредоточены на северо-западе, вблизи Петрограда, где они должны были по мере возможности следить за перемещениями в обе стороны. 1 июля 1918 года Главное управление пограничной охраны и Департамент таможенных сборов были переданы в ведение Наркомата торговли и промышленности, но через несколько месяцев в условиях Гражданской войны контроль над погранвойсками в прифронтовых районах перешел к Реввоенсовету и Генштабу Красной армии⁹². Военное руководство было возложено на генерал-майора А. В. Певнева, родившегося в 1875 году на Кубани и окончившего в 1900 году Академию Генштаба⁹³. Определенную роль играл и Особый отдел ВЧК, который с июня 1918 года создавал собственные пограничные чрезвычайные комиссии⁹⁴.

Однако в официальной истории и связанной с нею череде годовщин датой создания погранслужбы считается не 1918-й, а 1921 год. Именно тогда, после периода неопределенности, связанной с мировой и Гражданской войнами и институциональными экспериментами новых государств, была заложена основа пограничной охраны на европейской границе: в самой Советской России и сопредельных государствах (Польше, Прибалтике, Финляндии, Румынии), а затем и на остальных рубежах Страны Советов. В период с осени 1920 по весну 1921 года в результате подписания мирных договоров с соседними странами подвижная линия фронта превратилась в государственную границу.

Главным новшеством стала передача пограничной охраны в ведение Отдела контрразведки и Особого отдела ВЧК. Это делало очевидной политизацию пограничной службы, отныне отделенной от таможни и призванной бороться с контрреволюцией на границе. Первые знаки такой политизации были заметны уже в Российской империи после 1905 года, когда царский режим вел борьбу с революционными идеями, то есть в контексте, являвшемся зеркальным отражением советского. Начиная с 1907–1908 годов прежде всего на европейских границах империи было налажено тесное сотрудничество между пограничной охраной и полицией; его целью была борьба с ввозом оружия и политической контрабандой, которую осуществляли социал-демократы⁹⁵.

В начале 1920-х годов пограничная служба на практике по-прежнему находилась в большой зависимости от Вооруженных сил, так как, во-первых, именно Красная армия обеспечивала пограничников солдатами срочной службы, а во-вторых, большинство относящихся к границе решений принималось Реввоенсоветом. До конца 1922 года охрана границ фактически осуществлялась частями РККА, а на восточных рубежах ряд участков оставался в ведении

⁹² Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны о передаче пограничных войск в ведение Народного комиссариата по военным делам, 18 июля 1919 г. // Пограничные войска СССР, 1918–1928. С. 69–71, 152–153.

⁹³ Скоржин К., Петров Н. Кто руководил НКВД, 1934–1941. М.: Звенья, 1999.

⁹⁴ Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 233 (цит. по: Хайров А. М. Основные этапы развития оперативных органов советских пограничных войск // Исторические чтения на Лубянке, 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Новгород: ФСБ РФ – НГУ, 1999. С. 52).

⁹⁵ Труды Межведомственной комиссии для выработки мер против водворения оружия и политической контрабанды (1906–1908 гг.) // РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 17. Л. 98, 120, 195–223.

военных по меньшей мере до конца десятилетия. В августе 1921 года нарком по военным делам Троцкий посещал западные границы Советской России в целях инспекции их охраны⁹⁶.

Лишь 25 октября 1922 года в формировавшемся в тот момент ГПУ был создан Отдельный пограничный корпус под командованием А. Х. Артузова⁹⁷. Охрана границ превращалась, таким образом, в вопрос политической безопасности и наделялась двойной функцией, что отразилось в ее организационной структуре, которая включала батальоны (военные функции) и пограничные управления Особого отдела (политическо-полицейские функции). Комиссия, которую возглавлял заместитель председателя ГПУ Ф. Э. Держинского И. С. Уншлихт, предлагала довести состав корпуса до 50 тысяч человек⁹⁸. Начали появляться первые батальоны пограничников. Так, в феврале 1923 года в Полоцком уезде был сформирован 9-й батальон в составе 332 человек (в том числе 51 конный боец и 192 пехотинца), на которых возлагалась охрана 78 км границы с Польшей⁹⁹. Тем не менее пограничный корпус начал принимать окончательные очертания, а условия жизни и службы пограничников – улучшаться лишь к 1924–1925 годам.

От солдат-завоевателей к «пограницам»

21 мая 1923 года были созданы две комиссии в целях обследования польской и румынской границ¹⁰⁰. Докладные записки и отчеты, составленные губернскими и республиканскими властями, а затем и самими комиссиями, рисуют подробную картину положения в пограничных отрядах, погранотделениях ГПУ, на таможене, железных дорогах и в местных учреждениях. Так, 9 июля польская комиссия ЦК ВКП(б) во главе с И. А. Зеленским представила на заседании Оргбюро доклад на двухстах страницах, который включал сведения, поступившие от инспекторов, работавших в Подолье, Волыни, Витебской губернии и Белорусской ССР (в общей сложности – 1383 км границы). Посетив семь из десяти пограничных отделений ГПУ, инспекторы рисовали весьма безрадостную картину¹⁰¹: в эти первые послевоенные годы отряды пограничников вели себя скорее как завоеватели в чужой стране. Как отмечалось в отчете по Коростенскому округу (Волынская губерния), 95 % жителей были недовольны пограничниками. В отсутствие казарм на новых участках границы и без того нищим крестьянам приходилось бесплатно пускать пограничников на постой и обеспечивать их пастбищами и фуражом для лошадей. Тот факт, что конные отряды нередко набирались из числа призывников-татар, усиливал восприятие пограничников как чужих. Руководство республик, а затем и ЦК РКП(б) выдвинуло ряд предложений в целях улучшения ситуации¹⁰². Предлагалось, в частности, снизить налогообложение в районах размещения пограничников, чтобы компенсировать крестьянам затраты на их содержание, или поручить местным властям оплачивать услуги, предоставляемые населением.

⁹⁶ Протоколы заседаний Политбюро // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 164, 193.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393. 29 июля 1922 г. Уншлихт подал докладную записку с предложением создать Отдельный пограничный корпус, а 27 сентября Совет труда и обороны при СНК принял соответствующее решение. С июля 1923 года он именовался Отделом погранохраны. Чтобы обеспечить связь между пограничной и внутренней деятельностью ОГПУ, 6 ноября 1926 года Отдел был преобразован в Главное управление пограничной охраны (ГУПО) и войск ОГПУ.

⁹⁸ Записка Уншлихта в Оргбюро ЦК, 29 июля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393; протокол № 42 Бюро Секретариата ЦК, 4 янв. 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 328; протокол № 10 заседания Пленума ЦК, 18 дек. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 87.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 84. Д. 355.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475.

¹⁰² В протоколе № 20 совместного заседания Президиума Центрального бюро КП(б) Белоруссии и членов комиссии по обследованию (26 июня 1923 года) отразились многочисленные предложения, которые отчасти повторяли положения датированного предыдущим днем доклада ГПУ о состоянии погранохраны // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475.

Решение виделось в децентрализации организации снабжения и размещения частей. Национализированные лесные угодья должны были гарантировать на местном уровне необходимые запасы древесины; кроме того, предполагалось разбирать на стройматериалы многочисленные полуразрушенные дома, оставшиеся со времен войны. Помимо этого, необходимо было обеспечить пограничные войска денежными средствами для закупки продовольствия на местах. В этом вопросе была заметна большая недоверчивость, вызванная страхом перед неэффективным использованием средств. Учитывая огромные масштабы алкоголизма, можно было действительно опасаться, что средства, выделенные на улучшение продовольственного снабжения войск, будут потрачены на иное. Пришедшие в полную негодность ружья времен Гражданской войны, старые и больные кони, отсутствие формы и сапог – все это делало пограничную службу чрезвычайно трудным и неблагодарным делом. Нередко пограничники делали все, чтобы избежать столкновений с бандитами и контрабандистами, вооруженными маузерами и автоматическим оружием¹⁰³. О чрезвычайно тяжелом положении погранчастей свидетельствуют приведенные в сводках Особого отдела ОГПУ выдержки из писем пограничников Псковской губернии: «У нас солдаты ходят и просят милостыню...», «десятый день живем подаванием от хозяина, а своего нету...», «...видно забыли наши товарищи, что мы защитники пролетариата», «...голодно. Надоела эта проклятая служба», «...пришлите мне чего-нибудь съестного, а то гибель своей жизни. Если это продолжится долго, то я убегу дезертиром в Москву работать, как я работал раньше»¹⁰⁴.

Как и до революции, чтобы предотвратить коррупцию и стимулировать активность пограничников, требовалось придумать способы их поощрения. В результате было решено ежемесячно устраивать распродажи конфискованных товаров, распределяя вырученные средства среди тех, кто участвовал в поимке контрабандистов. Премия могла достигать двух тысяч рублей в месяц. Тем не менее эта система функционировала плохо: пограничники жаловались на то, что таможенники, отвечавшие за реализацию конфискованных товаров, не перечисляли им полагающиеся средства или делали это слишком поздно, когда солдаты-призывники уже успевали покинуть службу¹⁰⁵. Участие в контрабанде или получение взяток зачастую оказывалось гораздо более прибыльным делом! Случаев сговора контрабандистов с пограничниками, таможенниками и сотрудниками ГПУ было множество, чему, разумеется, способствовало проживание бок о бок с местными жителями¹⁰⁶.

В конце 1923 года в новом контексте, связанном с созданием Советского Союза, пришел час реорганизации многих участков деятельности. Так, чисткам и сокращению персонала подверглась таможенная служба, которая в силу присутствия большого количества поляков и бывших царских служащих выглядела особенно подозрительной с политической и социальной точек зрения. А вот недавно созданных пограничных отрядов чистки не коснулись. В тот момент они, наоборот, находились на стадии укрепления, причем общее сокращение Вооруженных сил позволило увеличить продолжительность службы призывников, направляемых в пограничные части. В этих условиях особое значение приобрело в конце 1923 года обсуждение численного состава погранохраны в рамках обсуждения бюджета нового ОГПУ. Среди сведений, необходимых для подготовки его проекта, Ф. Э. Дзержинский запросил у своего заместителя Г. Г. Ягоды сведения о количестве пограничников в царской России¹⁰⁷. Это был типич-

¹⁰³ *Егоров А. М.* Псковские пограничные районы в 1920–1930-е годы: исторические уроки развития: дисс... канд. ист. наук. СПб., 1998 (рукопись). С. 30.

¹⁰⁴ ПОЦАДПОД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 20–21, цит. по: *Егоров А. М.* Псковские пограничные районы. С. 32.

¹⁰⁵ На польской границе стоимость ценностей, конфискованных пограничниками, составляла в среднем половину от добычи таможенников.

¹⁰⁶ В целях улучшения ситуации предлагались те же меры, что и за год до того в записке Уншлихта (июль 1922 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393.

¹⁰⁷ Рукописная записка Ф. Э. Дзержинского Г. Г. Ягоде, 15 нояб. 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 305. Л. 9–10.

ный для любого учреждения рефлекс: настаивать – вопреки постулируемому большевиками разрыву с прошлым – на увеличении численности персонала по сравнению с дореволюционной. До 1913 года пограничная охрана насчитывала 40–45 тысяч человек, которые служили в 35 бригадах и 2 особых корпусах¹⁰⁸. Несмотря на изменение границ, Дзержинский отталкивался от этих цифр. Эти потребности считались приоритетными при распределении ресурсов среди различных воинских формирований ОГПУ, что встречало сопротивление со стороны руководства РККА, которое стремилось сохранить в своем распоряжении максимальное количество призывников.

В ходе этой полицейской и военной реорганизации основное внимание уделялось усилению охраны европейской границы СССР. В результате «погранцы», как звали польские контрабандисты советских пограничников, становились все более многочисленными, а их присутствие на границах, где они несли дозор пешком, на лодках, на дрезинах, – все более заметным.

1924 год: противостояние пограничников в Восточной Европе

Одновременно с Советским Союзом усилия по налаживанию охраны границ предпринимали и его соседи. Так, в 1922 году в Финляндии и Эстонии были образованы пограничные корпуса, подчинявшиеся МВД и тесно сотрудничавшие с таможенной¹⁰⁹. Из созданных в Эстонии пяти полков три отвечали за границу с СССР (в районе Нарвы, Псковско-Чудского озера/Тарту, Печор). Аналогичный процесс шел в Латвии: в 1922 году охрана границ, которой вначале занималась армия, перешла к корпусу пограничников, подчиненному МВД и военизированному в 1928 году¹¹⁰. В Польше контроль над восточными границами лежал вначале на армии, а затем был возложен на таможенные батальоны. В 1923 году на границах с СССР и Литвой была создана специальная служба, которая, однако, в результате сокращения армии и демобилизации потеряла 80 % своего численного состава. Охрана восточных границ была тогда поручена переформированным отрядам полиции (*Policja Państwowa*). Предполагалось, что на 1 км границы будет приходиться 2 конных и 7 пеших бойцов¹¹¹.

В процессе симметричного создания пограничной охраны весьма показательными стали меры по реорганизации, предпринятые в 1924 году. Они свидетельствовали об осознании по обе стороны рубежей необходимости располагать многофункциональным корпусом, способным выполнять полицейские, военные и разведывательные функции. В одном из советских докладов отмечалось:

Ночью в лесу контрабандист может пробраться через границу в 10-ти шагах от часового. Задержание контрабанды производится исключительно на основании сведений, полученных через информаторов и осведомителей как приграничных, так и закордонных¹¹².

Первым реформу погранслужбы провел Советский Союз. До тех пор оперативная и разведывательная работа осуществлялась погранотделениями и была, таким образом, отделена от охраны границы, носившей военный характер и возложенной на погранотряды. Чаще всего это затрудняло координацию и приводило к контрпродуктивному соперничеству, которое, к стати,

¹⁰⁸ Из них 4 бригады служили на Балтийском море, 10 – на прусской границе, 6 – на австрийской, 2 – на румынской, 3 – на Черном море, 5 – на границе с Османской империей и Персией, 1 – в Средней Азии и 4 – в Маньчжурии. Кроме того, 2 специальных корпуса были расположены на Белом и Азовском морях (На страже границ Отечества. С. 235–258).

¹⁰⁹ Невелайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии 1917–1939. СПб.: Нева, 2003. С. 77.

¹¹⁰ Егоров А. М. Псковские пограничные районы. С. 31.

¹¹¹ Dominiczak H. Granica wschodnia. Р. 96.

¹¹² Доклад об обследовании войск погранохраны ОГПУ в Ленинградском военном округе и Балтийском флоте, 6 апр. 1925 г. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748. Л. 39.

имело и материальное измерение: начальники погранотделений жаловались на то, что зарабатывали в три раза меньше, чем начальники погранотрядов. Оклад офицеров-чекистов действительно был ниже, чем у армейского командования. В феврале 1924 года приказом ОГПУ чекистская работа и охрана границ были объединены¹¹³. Отныне разведка и контрразведка были поставлены в центр работы пограничников на уровне погранзастав и на промежуточном уровне комендатур. Начальнику каждой погранзаставы в сотрудничестве с секретно-оперативной частью комендатуры поручалась вербовка осведомителей, прежде всего из числа беженцев, контрабандистов и задержанных участников банд. Проникновение в шайки контрабандистов, эмигрантские организации и беженские круги считалось самым эффективным способом положить конец хаосу на границе.

Нововведения 1924 года очень напоминали, однако, дореволюционные методы работы, ведь до 1914 года сбор информации о нелегальных группах, действовавших по обе стороны границы, входил в обязанности Корпуса пограничной стражи, который получал от МВД средства на отправку своих сотрудников для ведения оперативной работы и вербовки агентов, в частности на границе с Пруссией¹¹⁴. Немногим отличались от дореволюционных и инструкции, содержащиеся в разработанном тогда военном уставе пограничной охраны. Так, пограничникам рекомендовалось как можно реже применять оружие в ходе преследования нарушителей и запрещалось стрелять в направлении сопредельного государства. Все инциденты должны были фиксироваться с помощью подробного протокола. При этом, однако, в советских инструкциях акцент с противодействия незаконному ввозу и вывозу товаров переносился на борьбу с новой категорией преступников – «нарушителями границы»¹¹⁵. Заметим при этом, что, несмотря на очевидное использование старых текстов при составлении новых, этот факт нигде в доступных документах не упоминается.

Вслед за реформой 1924 года Рабоче-крестьянская инспекция провела большую проверку, в ходе которой наряду с заметными улучшениями были отмечены – как и полагается при любой инспекции – многочисленные недостатки, подлежавшие исправлению¹¹⁶.

Повышение эффективности работы советских пограничников было немедленно отмечено польской стороной, хотя его причины были поняты не до конца. Среди факторов, повлиявших на снижение нестабильности и контрабанды на советской границе, назывались более высокий морально-политический уровень, лучшая организованность и распределение войск, увеличение количества бойцов на километр границы. Наблюдение за советской пограничной службой, несомненно, повлияло на решение Варшавы создать Корпус охраны границы (*Korpus Ochrony Pogranicza*, КОП). В 1924 году офицеры пограничной полиции (*Policja Graniczna*) не справлялись с потоком нарушений: они зарегистрировали 189 происшествий, сопровождавшихся нападениями и провокациями, и 28 попыток диверсий с участием около тысячи человек. Непосредственной причиной для создания КОП 12 сентября 1924 года стал инцидент в Столбцах (белор. Стоўбцы), произошедший в ночь с 3 на 4 августа того же года¹¹⁷. Вооруженный отряд из 150 человек во главе с советским лейтенантом-пограничником сделал попытку освободить двух коммунистов, задержанных польской полицией. Атаку удалось отбить, но польские силы потеряли 9 человек убитыми и 5 ранеными. На следующий день, 5 августа,

¹¹³ Приказ ОГПУ, 25 февр. 1924 г. // Пограничные войска СССР, 1918–1928. С. 213.

¹¹⁴ Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб.: Генштаб ОКПС, 1912. Ст. 43. С. 8.

¹¹⁵ Мне не удалось обнаружить в архивах текст Временного устава Службы пограничной охраны, разосланного по погранвойскам в начале 1925 года и обильно цитируемого в источниках.

¹¹⁶ Речь идет о большом деле, которое включает отчеты о погранохране и борьбе с контрабандистами в УССР, Ленинградском военном округе и на Балтийском флоте в апреле – июне 1925 года, а также протоколы совещаний инспекторов, состоявшихся в июне – июле 1925 года (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748).

¹¹⁷ *Stone D. R.* The August 1924 raid on Stolpce, Poland, and the evolution of Soviet active intelligence // *Intelligence and National Security*. 2006. Vol. 21. № 3. P. 331–341. См. также главу 3 настоящего издания.

министр иностранных дел генерал Сикорский предложил премьер-министру использовать этот инцидент, чтобы с трибуны Лиги Наций и перед лицом европейских правительств выразить протест по поводу действий Москвы и ввести чрезвычайное положение на восточной границе. 8 августа министр внутренних дел заявил о необходимости военизировать полицейские части, отвечающие за охрану границ¹¹⁸.

Корпус охраны границы стал, однако, ответом не только на советскую угрозу. В его задачи входило также обеспечение порядка и безопасности на еще одной «трудной» границе нового молодого польского государства – литовской. На других рубежах таможенные батальоны казались достаточными вплоть до 1928 года, хотя в 1927 году КОП и было поручено следить за некоторыми участками немецкой и румынской границ¹¹⁹. Как мы увидим дальше, на лето 1924 года пришлась фаза повышенной революционной активности на границе со стороны как коммунистов, так и националистов, при более или менее широком участии местных сотрудников ГПУ. Неудачная попытка коммунистов поднять восстание в Эстонии привела тогда же к созданию с балтийской стороны двойной цепи пограничной охраны. В результате граница была полностью изолирована, что привело к закрытию всех эстонских и латвийских магазинов, которые вели торговлю с жителями советских пограничных районов. Аналогичным образом к ужесточению охраны границы с румынской стороны привела сентябрьская попытка большевистского переворота в Татар-Бунарах (Бессарабия)¹²⁰.

По обе стороны границы пограничная служба была структурирована схожим образом. С советской стороны речь шла о погранотрядах и приписанных к ним комендатурах; им были подчинены погранзаставы и маневренные группы численностью от 100 до 300 бойцов, которые создавались начиная с 1925 года. Заставы, или, как их называли, кордоны (термин, используемый на польско-украинской периферии с XVIII века), размещались в пределах 500 метров от пограничной линии и насчитывали около 30 бойцов каждая. Бойцы формировали наряды, которые выдвигались вперед в целях охраны того или иного участка границы¹²¹. Польский Корпус охраны границы состоял из бригад и батальонов сходной численности, при этом более важная роль была отведена кавалерии. Что касается разведывательных подразделений КОП, то они в межвоенный период уступали по эффективности советским и подвергались многократным реорганизациям. Созданная в марте 1925 года при Генштабе КОП разведслужба имела в составе каждого батальона и бригады своих офицеров, которые отвечали за разведку, контрразведку и контрпропаганду. Тем не менее ей так и не удалось стать независимой по отношению ко 2-му Бюро Генштаба Польши¹²².

В то время как принципы военной организации были схожими, политическая подготовка пограничников существенно различалась. В Польше акцент делался на отечественной географии и истории, включая рассказы о крупных сражениях, изучение этапов формирования национальной территории и таких ключевых моментов борьбы за независимость, как восстание 1863 года¹²³. В созданных в СССР в конце 1920-х годов школах, готовивших младший и средний командный состав пограничных войск, обучение опиралось на марксистскую теорию, изучение борьбы классов и уроков Гражданской войны.

Наконец, совершенно разным был статус пограничной службы. В Польше фигура пограничника так и не стала частью национального воображаемого. Служба на восточных рубежах

¹¹⁸ O Niepodległą i granice. Korpus Ochrony Pogranicza (1924–1939): wybór dokumentów / Eds. M. Jabłonowski et al. Warszawa-Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna, 2000. P. 15–18.

¹¹⁹ Dominiczak H. Granica wschodnia. P. 119.

¹²⁰ См. об этом эпизоде главу 3 настоящего издания.

¹²¹ Доклад об обследовании войск погранохраны ОГПУ в Ленинградском военном округе и Балтийском флоте, 6 апр. 1925 г. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748. Л. 19–42.

¹²² Jabłonowski M., Prochwicz J. R. Wywiad Korpusu Ochrony Pogranicza 1924–1939. Warszawa: ASPRA-JR, 2004.

¹²³ Masłowski A. Rozwój szkolnictwa zawodowego. P. 5–16.

(кресах) была обязательным этапом в карьере каждого офицера, которому полагалось более высокое жалование и премия за риск. Никто, однако, не проводил здесь весь период службы, за исключением некоторых сержантов. В СССР, напротив, конструированию публичного образа пограничника способствовало существование уникальной институциональной базы и специализирующихся в этой области офицеров.

Граница как единое целое

Как и до революции, охрана всех границ была возложена на одно учреждение. Это означало, что одни и те же директивы применялись во всех военных округах и пограничных краях. Такая централизация достаточно хорошо соответствовала большевистской политической культуре, которая под влиянием опыта Гражданской войны видела страну не иначе как во враждебном окружении. Так, в конце 1921 года в переписке ЧК с руководящими органами ЦК в одном и том же докладе бок о бок упоминались границы с Китаем, Латвией и Эстонией в связи с угрозой терактов со стороны многочисленных эмигрантов-белогвардейцев, группирующихся по другую сторону рубежей¹²⁴. Такое представление о едином пространстве, в котором восточная и западная границы были частью единого целого, не было чем-то новым. Для российской традиции характерен навязчивый страх перед угрозой войны на два фронта. Новым, однако, было то, что теперь эти опасения отнюдь не ограничивались военной сферой или вопросами обустройства пограничной территории, но распространялись на полицейские практики. Во второй половине 1930-х годов СССР столкнулся с японской угрозой в Маньчжурии и германской экспансией в Европе. Как в военных решениях, так и в дипломатии устанавливалась четкая связь между событиями и планируемыми действиями на двух оконечностях Советского Союза. Но в этом глобальном видении доминировала полицейская логика. В контексте Большого террора, чисток и секретных репрессивных операций пришел час вскрыть – или сфабриковать – многочисленные тайные германско-польско-финско-японские связи. 20 июня 1937 года Н. И. Ежов писал В. М. Молотову:

Неослабевающая активность иностранных разведок на участках границы с Финляндией, Эстонией, Латвией и Маньчжурией требует, в качестве одной из мер противодействия, срочного усиления пограничной охраны на этих участках¹²⁵.

К связям между различными границами добавлялась создаваемая на уровне институтов полицейская смычка между пограничной зоной и внутренними районами. С 1926 года по февраль 1939 года пограничная охрана и внутренние войска подчинялись одному и тому же управлению ГПУ – НКВД.

Тем не менее в повседневной административной работе отчеты о деятельности и меры в области охраны границ продолжали соответствовать отчасти унаследованному от прошлого делению. Для понимания используемых административных и географических категорий чрезвычайно полезны материалы Комитета обороны при СНК СССР. Мы находим здесь дореволюционное деление на восточные (азиатские) и западные (европейские) границы, а вместе с ним – соответствующие колониальные и имперские представления. Европейские границы включали три западных военных округа: Ленинградский, Белорусский и Украинский, – а так называемые азиатские соответствовали Закавказскому, Среднеазиатскому и Дальневосточному военным округам. С исторической точки зрения эти два типа рубежей – установленные начиная с XVI века границы на западе и колониальный фронт на востоке и юге – радикально

¹²⁴ О концентрации белых на китайской и латвийско-эстонской границах // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 12. Д. 390. Л. 27–30.

отличались друг от друга¹²⁶. Если в советский период различия в организации административного и полицейского контроля над границами постепенно стирались (хотя и не исчезали полностью), то глобальное деление на две географические зоны сохранялось во всех общих отчетах о погранслужбе, планировании бюджета, сведениях о численном составе. На более низком уровне дальнейшее деление соответствовало, в зависимости от проводимой политики, либо военным округам, либо районам, областям и республикам, которые, напомним, подверглись реорганизации после 1923 года¹²⁷. На восточных и южных рубежах были сохранены крупные пограничные ансамбли: Закавказье, Средняя Азия и Дальний Восток. Зато на западной границе произошли многочисленные изменения. Большинство мер касалось всего ансамбля, включавшего границы УССР, БССР, Ленинградской области и Карелии. Именно на этом уровне составлялись многие сводные статистические таблицы. Пограничное побережье Черного, Балтийского, Белого и Баренцева морей рассматривалось отдельно, в силу специфики связанных с его охраной проблем и особого набора на службу, остававшегося в ведении военного флота. Заметим, что с точки зрения персонала и бюджета западная граница находилась в явно привилегированном положении. В январе 1925 года комиссия Политбюро установила общее число пограничников на уровне 31 тысячи человек. 30 % из них приходилось на западные рубежи. Этот дисбаланс отмечался, кстати, в отчете Рабоче-крестьянской инспекции в июне 1925 года¹²⁸. При этом на морские границы отводилось значительно меньше средств, чем на сухопутные: в 1925 году на Архангельский и Мурманский участки вплоть до Пскова приходилось всего лишь 28 патрульных кораблей с 380 членами экипажа. Здесь ощущалась острая нехватка прожекторных станций, сигнальных огней и моторных лодок, необходимых для преследования контрабандистов на мелководье¹²⁹.

Будущие пограничники набирались из числа юношей, призываемых на двухлетнюю обязательную воинскую службу. Обычно их возраст составлял 22 года. Предпочтение отдавалось призывникам, не являвшимся уроженцами пограничных районов. Заметим, что речь не шла ни об этническом критерии, как в польском Корпусе охраны границы, куда не брали этнических белорусов и украинцев¹³⁰, ни о языковом, как это было в Российской империи, где в пограничной охране не могли служить «инородцы», не владевшие русским языком¹³¹. Здесь мы имеем дело прежде всего со стремлением предотвратить коррупцию за счет географической мобильности. Помимо этого, чтобы избежать излишней близости между местным населением и пограничниками, были предприняты усилия по строительству казарм на новых границах и ремонту имеющихся на старых. Процесс, однако, шел медленно. В 1926 году 37 погранзастав и 8 комендатур Псковского, Островского и Себежского пограничных отрядов располагали лишь 17 пригодными к использованию зданиями¹³². В отчетах также подчеркивалась необходимость ликвидировать безграмотность среди пограничников и увеличить долю комсомольцев среди призываемых на службу.

¹²⁶ *Khodarkovsky M.* From frontier to empire: the concept of the frontier in Russia, 16th – 18th centuries // *Russian History. The Frontier in Russian History*. 1992. Vol. 19. № 1–4. P. 115–128.

¹²⁷ Районирование привело также к изменениям в терминологии. Уезды и волости стали районами, губернии – областями, а на смену верстам пришли километры.

¹²⁸ Протокол совещания при Военно-морской инспекции НК РКИ, 16 июня 1925 г. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748. Л. 2–3.

¹²⁹ Доклад об обследовании войск погранохраны ОГПУ в Ленинградском военном округе и Балтийском флоте, 6 апр. 1925 г. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748. Л. 41.

¹³⁰ Столкнувшись с трудностями при наборе, в 1926 году командование согласилось на квоту в 20 % для других национальностей. В конце 1920-х годов среди представителей этнических меньшинств самыми многочисленными в КОП были немцы и чехи, в то время как украинцы и белорусы составляли около 3 % по каждой группе, а евреи – 2 % (*O Niepodległa i granice*. P. 7).

¹³¹ Положение об управлении Отдельного корпуса пограничной стражи 15-го октября 1893 г. // *Пограничная служба России*. С. 20.

¹³² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 590. Оп. 2. Д. 23. Л. 88, цит. по: *Егоров А. М.* Псковские пограничные районы. С. 68.

6 апреля 1925 года комиссия Рабкина представила результаты проверки пограничной охраны в Ленинградском военном округе¹³³

¹³³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 748. Л. 29.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.